

1812-й годъ.

Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году.

Вступленіе.

Прежде нежели приступлю къ описанію происшествій въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ какомъ находилась Москва съ 1-го Января 1812 года, то есть, о бывшихъ въ это время начальникахъ въ ней и о себѣ самомъ, какъ о человѣкѣ, игравшемъ нѣкоторую роль, во время пребыванія въ ней непріятеля, и показать причины, почему я остался въ его власти.

Въ началѣ 1812 года былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ генераль-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, гражданскимъ губернаторомъ Николай Васильевичъ Обресковъ, оберъ-полиціймейстеромъ Петръ Алексѣевичъ Ивашкинъ, а полиціймейстерами Александръ Александровичъ Волковъ и Егоръ Александровичъ Дурасовъ (что нынѣ сенаторъ).

Съ 1806 года я жилъ постоянно въ Москвѣ, числясь при Герольдіи къ опредѣленію къ дѣламъ.

Съ половины еще 1811 года стали поговаривать въ Москвѣ о разрывѣ мира, который заключенъ былъ въ 1807 году съ Французами въ Тильзитѣ; однакожь ничего не было примѣтно, и все оставалось спокойно; напротивъ еще, въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ величали Наполеона великимъ. Я часто ходилъ въ Греческія гостиницы читать иностранныя газеты, и хотя изъ многихъ листовъ видѣлъ, что „что-то не ладно между нами и Французами“, но все это большого вѣроятія не заслуживало, потому что газеты иностранныя часто наполняются всякими неосновательными слухами, единственно для того, чтобы только что нибудь печатать; но когда многіе листы

иностранныхъ вѣдомостей были задержаны, то стали догадываться, что „что нибудь да есть“, а движеніе войскъ нашихъ, которыя отовсюду стремились къ западнымъ границамъ, дѣлали догадки вѣроятными; въ концѣ же 1811 года явно уже говорили, что съ Французами будетъ война жестокая. Однакожь 1812 годъ начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничѣмъ возмущена не была: масляницу провели очень весело, не подозрѣвая никакихъ опасностей, и не думали даже объ нихъ.

Такъ какъ статсъ-секретарь, Петръ Степановичъ Молчановъ, еще въ прошедшемъ 1811 году объявилъ бывшему тогда министромъ юстиціи, Ивану Ивановичу Дмитріеву, что Его Императорское Величество, высочайше повелѣть изволилъ опредѣлить меня къ должности, то, въ слѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія, въ половинѣ Февраля мѣсяца 1812 года, директоръ департамента юстиціи, графъ Сергій Петровичъ Салтыковъ, увѣдомилъ меня письмомъ, что открылась вакансія въ губернскомъ городѣ Вологдѣ губернскаго стряпчаго, и предлагалъ мнѣ это мѣсто, но я отъ него отказался.

Въ концѣ Марта мѣсяца я опять получаю письмо отъ директора департамента юстиціи, графа Салтыкова, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня, что открылась вакансія въ Москвѣ, въ вотчинномъ департаментѣ, и я охотно принялъ оное.

По изъявленіи моего согласія на принятіе службы въ вотчинномъ департаментѣ, 2-го Маія, указомъ Правительствующаго Сената, я опредѣленъ вторымъ членомъ, а 20 того жъ Маія, присягнувъ на службу, вступилъ въ отправленіе моей должности.

Мѣсто, которое я занялъ въ вотчинномъ департаментѣ, принадлежало до сего коллежскому ассессору Дмитрію Ивановичу Дмитріеву (родному братцу, бывшему тогда министромъ юстиціи, Ивану Ивановичу Дмитріеву). Сей Дмитрій Ивановичъ Дмитріевъ, мѣсто котораго я занялъ, вступилъ въ вотчинной департаментъ въ Ноябрь мѣсяцѣ 1811 года, изъ отставныхъ маіоровъ, а въ Мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, по представленію министра юстиціи, роднаго своего братца, за отличное служеніе, пожалованъ въ надворные совѣтники и посаженъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорской столъ съ жалованьемъ по тысячи рублей въ годъ. Такимъ образомъ сіе мѣсто и очистилось для меня. Провидѣніе избрало меня, чтобъ сохранить архиву сего департамента отъ совершеннаго истребленія оной неприятелемъ. Сія архива необходима для общаго спокойствія.

Вотчинной департаментъ съ его четырью архивами находился, какъ и нынѣ находится, въ 3 этажѣ сенатскаго зданія, что въ Кремлѣ, и имѣетъ изъ оконъ своихъ видъ въ три стороны города.

Присутствующими въ вотчинномъ департаментѣ были: 1-й членъ или предсѣдатель онаго, г. статскій совѣтникъ Адрианъ Ѳедоровичъ Аничковъ, имѣвшій тогда около 70 лѣтъ, если не болѣе; 2-й членъ былъ я; 3-й членъ былъ надворный совѣтникъ Матвѣй Кузьмичъ Ивановъ, изъ приказнослужителей сего департамента, имѣвшій тогда болѣе 75 лѣтъ, и въ личномъ его вѣдѣніи были деньги, принадлежавшія департаменту. Вотчинной департаментъ, по производству дѣлъ своихъ, состоялъ подъ непосредственнымъ главнымъ надзоромъ Правительствующаго Сената г. оберъ-прокурора, графа Матвѣя Александровича Дмитріева-Мамонова¹⁾. При департаментѣ служили: экзекуторъ, четыре секретаря, да 138 чиновниковъ и приказнослужителей; карауль состоялъ изъ инвалидовъ, которыхъ департаментъ нанималъ.

Вотъ все, что я нужнымъ поставилъ сказать въ семь вступленіи.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-Е.

Произшествія въ столицѣ Москвѣ до вторженія въ оную непріятели.

Маія 15 дня. По прошенію главнокомандовавшаго въ Москвѣ, генераль-фельдмаршала, графа Гудовича, Государь Императоръ всемилостивѣйше дозволилъ ему сложить съ себя званіе сіе, для поправленія разстроеннаго его здоровья.

*Маія 29 дня*²⁾. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и Двора Его Императорскаго Величества оберъ-камергеръ, графъ Ростопчинъ, всемилостивѣйше переименовывается въ генералы отъ инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву.

Я не имѣлъ чести знать лично графа Гудовича, не видывавъ его никогда, но въ достоинствахъ его нисколько не могъ сомнѣваться, ибо онъ и въ царствованіе Великія Екатерины занималъ важныя мѣста, а потому заслуги его должны быть извѣстны отечеству; но графа Ростопчина я очень хорошо зналъ по многимъ отношеніямъ, а особливо по несправедливому поступку его съ пріятелемъ моимъ, Петромъ Петровичемъ Дубровскимъ, который 25 лѣтъ находился внѣ предѣловъ отечества при разныхъ посольствахъ, и служилъ всегда съ честью и похвалою³⁾. Графъ Ростопчинъ не зналъ даже лица его, но при вступ-

¹⁾ Въ то время онъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Ему покровительствовалъ министръ юстиціи. Дмитріевы и Дмитріевы-Мамоновы, одного корня. Они происходятъ отъ Рюрика П. Б.

²⁾ Всего за двѣ недѣли до вступленія Наполеона въ Россію. П. Б.

³⁾ Это тотъ Дубровскій, который привезъ въ Россію изъ Франціи историческія рукописи и въ числѣ ихъ Запѣчанія Людовика XVI-го на книгу Рюльера о водареніи Екатерины Великой, которую онъ читалъ еще въ рукописяхъ. П. Б.

леніи въ званіе вице-канцлера, въ царствованіе императора Павла 1-го, исключилъ его, Дубровскаго, изъ службы, единственно по тому, что онъ не былъ никому знакомъ изъ приближенныхъ къ графу, и такою несправедливостью ввергнулъ его въ самое затруднительное положеніе возвратиться въ отечество; и потомъ, когда онъ, Дубровскій, „кой-какъ“ возвратился и явился къ нему, Растопчину, онъ оболгалъ его предъ Государемъ, и Дубровскій высланъ былъ изъ С.-Петербурга. Признаюсь откровенно: лишь только я узналъ о сей перемѣнѣ начальства, сердце облилось у меня кровью, какъ будто я ожидалъ „чего-то“ очень неприятнаго.

Юня 13 дня. Напечатанъ былъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, № 50, высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генераль-фельдмаршала, графа Николая Ивановича Салтыкова, коимъ Государь Императоръ увѣдомляетъ, что Французскія войска вошли въ предѣлы нашей Россійской имперіи. Рескриптъ сей служилъ объявленіемъ войны съ Французами, и съ 54 номера сихъ же Московскихъ Вѣдомостей начали печатать извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ.

Юля 3 дня. Выдано въ Москвѣ слѣдующее печатное объявленіе:

„Московской военной губернаторъ, графъ Растопчинъ, симъ извѣщаетъ, что въ Москвѣ показалась дерзкая бумага, гдѣ, между прочимъ вздоромъ, сказано, что Французской императоръ, Наполеонъ, общается чрезъ шесть мѣсяцовъ быть въ обѣихъ Россійскихъ столицахъ. Въ 14 часовъ полиція отыскала и сочинителя, и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ Московскаго второй гильдіи купца, Верещагина, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою. Графъ Растопчинъ признаетъ нужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія и легковѣрныхъ, и наклонныхъ вѣрить невозможному. Верещагинъ же сочинитель и губернской секретарь Мѣшковъ, переписщикъ ихъ, преданы суду и получаютъ должное наказаніе за ихъ преступленіе“.

Я нужнымъ поставляю приложить при семъ точныя копии съ сихъ двухъ дерзкихъ бумагъ.

1.

Письмо Наполеона къ Прусскому королю.

„Ваше величество! Краткость времени не позволила мнѣ извѣстить васъ о послѣдовавшемъ занятіи вашихъ областей. Я для соблюденія порядка опредѣлилъ въ нихъ моего принца; будьте увѣрены, ваше величество, въ моихъ къ вамъ искреннихъ чувствованіяхъ дружбы. Очень радуюсь, что вы, какъ курфюрстъ Бранденбургской,

заглаживаете недостойной вашъ союзъ съ потомками Чингизъ-Хана желаніемъ присоединиться къ огромной массѣ Рейнской монархіи. Мой статсъ-секретарь пространно объявить вамъ мою волю и желаніе, которое, надѣюсь, вы съ великимъ рвеніемъ исполните. Дѣла моихъ ополченій зовутъ теперь меня въ мой воинскій станъ. Пребываю вамъ благосклонный *Наполеонъ*“.

2.

Рѣчь, произнесенная Наполеономъ къ князьямъ Рейнскаго союза, въ Дрезденѣ.

„Вѣнценосные друзья Франціи! Дѣла въ Европѣ взяли другой оборотъ. Повелѣваю, какъ глава Рейнскаго Союза, для общей пользы, удвоить свои ополченія, приведя ихъ въ готовность пожинать лавры подъ моимъ начальствомъ на полѣ чести. Вамъ объявляю мои намѣренія: желаю возстановленія Польши. Хочу исторгнуть ее изъ непополитическаго существованія на степень могущественнаго королевства. Хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франціи. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мною одинаково. Я хочу и поражу древнихъ тирановъ Европы. Я держалъ свое слово и теперь говорю: прежде шести мѣсяцовъ двѣ сѣверныя столицы Европы будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей Европы“.

Читая эти бумаги, съ первыхъ строкъ можно было замѣтить, что двадцатилѣтній купеческій сынъ, Верещагинъ, отъ какого бы иностранца образованіе свое ни получилъ, и какою бы трактирною бесѣдою развращенъ ни былъ, такихъ бумагъ не напишетъ, а потому и объявленіе это главнокомандующаго Москвою всѣмъ показалось ложью, что, конечно, не могло поселить къ нему ни довѣрія, ни искренняго уваженія.

Я люблю правду, и всякой гражданинъ, приверженный не одними словами, но душою и сердцемъ, къ престолу законнаго Монарха и отечеству, долженъ любить правду: ибо Помазанникъ Божій, Государь, изрекаетъ судъ по правдѣ, и тогда уже не подвергаетъ себя Божескому суду. И такъ, я объясню дѣло о Верещагинѣ слѣдующею истиною. Дни за четыре до напечатаннаго объявленія графомъ Растопчинымъ, съ пришедшею изъ С.-Петербурга почтою были получены и иностранныя вѣдомости, и въ Усть-Эльбскихъ эти, такъ названныя, дерзкія двѣ бумаги были напечатаны; какимъ же образомъ Верещагинъ про-

чель тѣ газеты и успѣлъ перевести изъ нихъ рѣчь Наполеона на Руской языкѣ, я не знаю, но списки его перевода скоро разошлись по рукамъ: я самъ видѣлъ ихъ у многихъ моихъ чиновниковъ въ департаментѣ и списалъ для себя копіи, но, прочитавъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе графа Растопчина, и чтобъ не подвергнуть себя непріятностямъ, сжегъ ихъ у себя тогда же, и потомъ уже въ 1814 году¹⁾ списалъ ихъ вновь изъ печатной Русской книги, заглавія которой не запомню.

Между тѣмъ главной Московской почтъ-директоръ, тайной совѣтникъ, Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ²⁾, человѣкъ съ большими достоинствами, обремененный лѣтами и дряхлостью, но личный врагъ графу Растопчину, былъ въ ночь арестованъ новымъ третимъ полиціймейстеромъ столицы Москвы, г-мъ Брокеромъ.

Для поясненія тогдашнихъ отношеній, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о г. Брокерѣ. Адамъ Ѳомичъ Брокеръ, съ давнихъ лѣтъ приверженный къ графу Растопчину и самой короткой человѣкъ въ его домѣ, служилъ въ главномъ Московскомъ Почтъ-амтѣ экзекуторомъ, и по назначеніи графа Растопчина военнымъ губернаторомъ Москвы, по покровительству его, получилъ мѣсто третьяго Московскаго полиціймейстера, съ переименованіемъ его въ военной чинъ; и этому-то чиновнику графъ Растопчинъ поручилъ арестовать Ключарева, чиновнику, который, за двѣ недѣли назадъ, находился подъ непосредственнымъ его, Ключарева, начальствомъ! Арестованный старецъ подъ стражею высланъ въ городъ Воронежъ, а оставшееся имѣніе его сдѣлалось пищею пламени и расхищено въ непріятельское нашествіе³⁾.

Поступокъ сей съ Ключаревомъ еще болѣе утвердилъ ложь Растопчина относительно Верещагина, потому что, если бумаги писалъ Верещагинъ, то не было никакого повода такъ незаконно поступать съ заслуженнымъ старцемъ, генераломъ; если же, напротивъ, Верещагинъ перевелъ сіи списки изъ иностранныхъ вѣдомостей, то не слѣдовало объявлять, что Верещагинъ сочинилъ ихъ: ложь была очевидна въ обоихъ случаяхъ.

Впрочемъ, бумаги сіи и сами по себѣ не сдѣлали особеннаго впечатлѣнія въ народѣ. Народъ говорилъ: „Мы, де, Русскіе и должны держаться Русской пословицы: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“,

¹⁾ Т. е. черезъ два года послѣ описываемыхъ событій. П. Б.

²⁾ Родомъ изъ крѣпостныхъ графа Шереметева, масонъ. П. Б.

³⁾ См. Записки А. Ѳ. Брокера (родомъ Шведа) въ „Русск. Архивѣ“ 1868 г. П. Б.

и не знали чему дивиться: дерзости ли Наполеона, которую оказывалъ къ вѣнценоснымъ друзьямъ своимъ, или кротости и снисхожденію сихъ вѣнценосныхъ его друзей.

Въ самое это же время слухъ прошелъ въ Москвѣ, что будто въ С.-Петербургѣ открыта измѣна въ особахъ Государственнаго Совѣта: секретарѣ Михайлѣ Михайловичѣ Сперанскомъ и Михайлѣ Леонтьевичѣ Магнитскомъ, что они уже арестованы министромъ полиціи, Балашовымъ, и что ихъ везутъ подь стражею чрезъ Москву въ опредѣленные имъ города для жительства; говорили при томъ, что лишь только они въ Москву вѣдутъ, то будутъ истерзаны народомъ; но, слава Богу, они съ Твери поворотили въ другую сторону и въ Москвѣ не были.

Юля 5 дня. Первой членъ вотчиннаго департамента, статской совѣтникъ Аничковъ, по случаю ваканціи, уволенъ былъ отъ должности на 28 дней; ему данъ былъ пашпортъ, и онъ изъ Москвы выѣхалъ, а я остался начальникомъ департамента.

Юля 11 дня. Государь Императоръ изволилъ прибыть въ столицу Москву; съ Его Величествомъ прибыли гг. оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютантъ, министръ полиціи Балашовъ, вице-адмиралъ, государственной секретаръ Шишковъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій.

Въ сей же день рано утромъ читали мы слѣдующій печатный манифестъ.

Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожь по отеческому сердоболію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности, да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ. Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу: по

примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей, текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуютъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляютъ Богъ и Православная наша церковь: да составятъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не уедемъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится *). Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!

На подлинномъ: „Александръ“.

Въ лагерѣ близъ Полоцка, 6 Іюля 1812 года.

Всякой, кто читалъ это воззваніе къ столицѣ Москвѣ, былъ тронутъ до глубины сердца, всякой готовъ былъ жертвовать собою для защиты престола и отечества. Я въ сей день, со многими другими, обѣдалъ у начальника моего, графа Дмитріева-Мамонова. Сей вельможа Россійскаго государства, истинный сынъ отечества, безъ лицемѣрнаго притворства, приверженной къ престолу Монарха, при своемъ состояніи, рѣшился сформировать пѣхотной полкъ изъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ и на свой счетъ; онъ приглашалъ меня способствовать ему и вмѣстѣ служить въ ономъ полку съ нимъ. Я охотно согласился и подалъ прошеніе о увольненіи меня изъ вотчиннаго департамента; но, къ сожалѣнію, дней чрезъ шесть графъ Дмитріевъ-Мамоновъ перемѣнилъ свое намѣреніе и, вмѣсто пѣхотнаго полка, вздумалъ сформировать конной полкъ; а такъ какъ я не только не умѣю ѣздить верхомъ, но, откровенно говорю, боюсь даже сѣсть на лошадь, и потому поданную мною просьбу о увольненіи меня изъ вотчиннаго департамента взялъ обратно, изорвалъ и остался при своемъ мѣстѣ.

Іюль 15 дня. Въ сей день собраны были и дворянское и купеческое сословія въ залахъ Слободскаго дворца. Я самъ былъ тамъ лично. По прибытіи Государя Императора въ залу, въ которой собралось

---

*) Намѣреніе не исполненное. Графъ Растищинъ напоминалъ Александру Павловичу про это его обѣщаніе.

дворянство, и по прочтеніи воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, оное общимъ согласіемъ положило обмундировать и вооружить съ одной Московской губерніи, для отраженія врага, восемьдесятъ тысячъ воиновъ. Государь, принявъ сіе пожертвованіе съ душевнымъ умиленіемъ, изрекъ дворянству: „Инаго я не ожидалъ, и не могъ отъ васъ не ожидать. Вы оправдали мое о васъ мнѣніе“. Потомъ Государь Императоръ вошелъ въ залу, въ которой ожидало его купечество и мѣщанство, и я туда пошелъ, чтобъ слышать, чтѣ они будутъ говорить; и по прочтеніи того жъ воззванія, они общимъ голосомъ отвѣчали: „Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и собою“. И тутъ же началась подписка денежнаго пожертвованія. Я возвратился въ квартиру свою.

Съ чувствомъ истиннаго прискорбія невольно дѣлаю нѣкоторое замѣчаніе, совершенно, однакожъ, справедливое. Оно можетъ показаться весьма непріятно, но правда всегда священна. До воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ Государемъ Императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ, сабля и шпага продавались по 6 р., и дешевле; пара пистолетовъ Тульскаго мастерства 8 и 7 р.; ружье и карабинъ того жъ мастерства 11, 12 и 15 р., дороже не продавали; но когда прочтено было воззваніе Императора и учреждено ополченіе противу врага, то таже самая сабля, или шпага, стоила уже 30 и 40 р.; пара пистолетовъ 35 и даже 50 р.; ружье, карабинъ не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видѣли, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя, и безсовѣстно воспользовались этимъ случаемъ для своего обогащенія. Мастеровые, какъ то портные, сапожники и другіе, устроили, или учетверили цѣну работы своей, словомъ, все необходимо нужное, даже съѣстные припасы; высоко вздорожали; и графъ Растропчинъ, главнокомандующій въ Москвѣ, могъ бы легко такое незаконное лихоимство властію своею остановить и предать виновныхъ суду, но онъ смотрѣлъ на это зло равнодушно, и за недѣлю только до входу непріятеля въ Москву публиковалъ въ вѣдомостяхъ слѣдующее: „Дабы остановить преступное лихоимство купцовъ Московскихъ, которые берутъ непомерную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противу врага, онъ, главнокомандующій, открылъ государственный цейхаузъ, въ которомъ будетъ продаваться всякое оружіе дешевою цѣною“.

Дѣйствительно, цѣна продаваемому оружію изъ арсенала или цейхауза была очень дешева, ибо ружье или карабинъ стоилъ 2 и 3 рубля; сабля 1 р., кортикъ, пики и проч. все очень дешево; но, къ

сожалѣнію, все это оружіе къ употребленію не годилось, ибо ружья или карабины были или безъ замковъ, или безъ прикладовъ, или стволы у нихъ согнутые, или измяты, сабли безъ эфесовъ, у другихъ клинки сломаны, зазубрены, и лучшее, что было въ цейхаузѣ, то скуплено уже было купцами; но, не взирая на негодность оставшагося оружія, покупали еще оное, и арсеналь или цейхаузъ былъ полонъ народу.

И такъ пожертвованія дворянства были гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе для отечества, чѣмъ пожертвованія купцовъ, мѣщанъ, мастеровыхъ. Первые шли на защиту отечества сами, съ дѣтьми своими, нѣсколько возмужалыми, жертвуя не только имуществомъ, но и жизнію, для отраженія врага, брали съ собою еще дружину изъ крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ отъ 10 душъ одного или и двухъ; а вторые приносили въ жертву однѣ только деньги въ ассигнаціяхъ, которыя въ то время никакой цѣны не имѣли, и тотъ еще излишекъ денегъ своихъ, которыя они лихоимственно получили отъ дѣйствительныхъ защитниковъ отечества за оружіе и прочія необходимыя вещи; сами же они съ своими повѣренными, прикащиками и сидѣльцами удалились заблаговременно изъ Москвы на нѣсколькихъ сотняхъ троекъ лошадей, чтобъ не быть свидѣтелями ужасовъ нашествія непріятели, оставя въ домахъ своихъ только то, чего увезти съ собою не могли.

Повторю, что я съ большимъ прискорбіемъ сдѣлалъ сіе замѣчаніе.

Вотъ еще одно обстоятельство, которое случилось во время пребыванія Государя въ Москвѣ и о которомъ умолчать я почелъ бы преступленіемъ.

Дворянство Рязанской губерніи, въ которой имѣлъ я небольшую деревню, узнавъ о воззваніи Императора къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, немедленно выслало своихъ депутатовъ, состоявшихъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, съ тѣмъ, чтобъ они, по пріѣздѣ въ Москву, повергнувъ себя къ стопамъ Государя, донесли Его Величеству, что Рязанское дворянство готово поставить на защиту отечеству шестидесять тысячъ воиновъ вооруженныхъ и обмундированныхъ. Самъ же губернский предводитель сего дворянства, Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, въ числѣ депутатовъ, по болѣзни своей, не былъ.

Депутаты, частію мнѣ знакомые люди, по пріѣздѣ въ Москву, остановились въ домѣ губернскаго своего предводителя, Измайлова, что у Мясницкихъ воротъ, и на другой день явились къ министру полиціи, генераль-адъютанту Балашову, прося его, чтобъ онъ доложилъ объ нихъ Государю Императору.

Генераль Балашовъ принялъ ихъ самымъ неблагосклоннымъ образомъ, кричалъ на нихъ, говоря, какъ смѣли они отлучиться отъ должностей своихъ; и когда депутаты отвѣчали, что они это сдѣлали по общему приговору дворянства и съ личнаго дозволенія г-на Рязанскаго гражданскаго губернатора, Бухарина, тогда Балашовъ сказалъ, что онъ сдѣлаеть строгое взысканіе, и почти выгналъ ихъ отъ себя.

Хотя депутаты Рязанской губерніи чрезвычайно оскорбились и огорчились такимъ неделикатнымъ поступкомъ съ ними генерала Балашова, однакожь не отчаявались и обратились къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Растопчину, который и принялъ ихъ очень вѣжливо и ласково. Они объяснили ему причину своего пріѣзда въ Москву, не умолчали о поступкѣ съ ними генерала Балашова, и графъ Растопчинъ, порицая поступокъ Балашова, обѣщалъ въ тотъ же день доложить объ нихъ Государю Императору. На другой день рано чрезъ Московскую полицію приказано имъ было выѣхать немедленно изъ столицы. Они съ сердцемъ, преисполненнымъ горести, что не видѣли Государя и не выполнили на нихъ возложеннаго препорученія Рязанскимъ дворянствомъ, возвратились во свояси. Чтѣ должно думать о генераль-адъютантѣ, министрѣ полиціи, Балашовѣ? Искренно ли онъ любилъ благодѣтеля своего, Государя Императора, и истинный ли былъ сынъ отечества? По поступку его можно усомниться.

Юля 18 дня. Обнародованъ составъ военной Московской силы, и Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Москвы въ С.-Петербургу.

Съ отъѣздомъ Государя Императора движеніе народа было необыкновенное. Множество пріѣзжихъ изъ деревень наполняли вечернія гулянья на бульварахъ, такъ что тѣсно отъ нихъ было; всѣ почти были въ мундирахъ Московскаго ополченія, вооруженные, готовые кровью своею искупить мать Русскихъ градовъ; но мало по малу эта толпа становилась рѣже и рѣже, а недѣли черезъ три бульвары и вовсе опустѣли.

Графъ Растопчинъ, по отъѣздѣ Государя Императора, рѣдкій день не выдавалъ печатныхъ афишекъ, какъ о дѣйствіи армій нашихъ, такъ особенно и отъ себя въ народное извѣстіе, писанныхъ особеннымъ слогомъ, который нѣкоторые находили соответствующимъ времени и обстоятельствамъ, но большая часть пошлымъ и площаднымъ. Онъ писалъ, что глазъ у него болѣлъ, а теперь глядитъ въ оба; что Французъ не тяжеле хлѣбнаго снопа, и мы его на выпы, де, подыместъ: чтобы народъ не пугался, когда увидитъ шаръ воздушной, и на немъ 50 человекъ; этотъ шаръ истребитъ армию непріятельскую, и проч., и проч. Однакожь, смѣясь надъ шаромъ, я долженъ упомянуть, что

многіе этому вѣрили отъ души. Я говорилъ о воздушномъ шарѣ съ однимъ вельможею, сенаторомъ, котораго имени не хочу назвать; онъ былъ точно увѣренъ, что воздушный шаръ истребитъ непріятельскую армію, и доказывалъ, увѣряя честию своею, что уже сдѣлана проба и собрано было стадо овецъ, надъ которыми поднялся шаръ съ тремя человѣками, и стадо истреблено.

Августа 9 дня. Первый членъ вотчиннаго департамента, Аничковъ, возвратился изъ отпуска къ должности своей, и такъ какъ вакантные дни еще продолжались, то испросилъ и я себя увольненіе на 28 дней. Мнѣ данъ былъ на сей срокъ законный пашпортъ, и я не присутствовалъ уже въ вотчинномъ департаментѣ.

Въ день, въ которой данъ былъ мнѣ пашпортъ, нисколько еще не помышляли, чтобъ непріятель могъ овладѣть Москвою; а какъ срокъ моему увольненію долженъ былъ окончиться около 9 числа Сентября, а непріятель овладѣлъ Москвою 2 Сентября, слѣдовательно, безъ малѣйшей отвѣтственности для меня и подозрѣнія, что я будто въ духѣ труса бѣжалъ отъ непріятеля, не заботясь нимало о сохраненіи сокровищъ отечественныхъ, которыя заключаются въ архивѣ вотчиннаго департамента, могъ съ семействомъ свободно уже удалиться, безъ потери моего имущества, и не быть притомъ свидѣтелемъ ужаснаго нашествія врага: въ ономъ достаточно оправдывало меня данное мнѣ законное увольненіе.

Августа 18 дня. Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Раstopчинъ, предложилъ письменно вотчинному департаменту слѣдующее: „Вотчинной департаментъ долженъ уложить всѣ дѣла свои и имѣть оныя въ готовности къ отвозу въ безопасное мѣсто, если необходимость можетъ того потребовать; а нужное количество лошадей на отвозъ сихъ дѣлъ чтобы департаментъ самъ уже отъ себя испросилъ отъ Московскаго гражданскаго губернатора“.

Такъ какъ я не совершенно еще воспользовался даннымъ мнѣ отпускомъ и изъ Москвы не выѣзжалъ, то первой членъ вотчиннаго департамента, Аничковъ, получившій выше прописанное предложеніе графа Раstopчина, прислалъ ко мнѣ въ оригиналѣ оное и, вмѣстѣ съ симъ, прислалъ сегодня же, то есть, 18 Августа, вышедшее печатное объявленіе отъ него же, графа Раstopчина, слѣдующаго содержанія:

Отъ главнокомандующаго въ Москвѣ.

„Здѣсь есть слухъ, и есть люди, кои ему вѣрютъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ

и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жоны ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія: меньше страха, меньше новостей. Но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые при женщинахъ „въ будущихъ“ отправились „безъ возврату“. Если по ихъ есть опасность, то „непристойно“; а если нѣтъ ея, „то стыдно“. Я жизнию отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1800 пушекъ и свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него съ зади неприятели генералы Торماسовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячъ славнаго войска; генераль Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тысячами пѣхоты, 3800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дни прійдетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысячъ въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тысячъ пѣхоты. А естли этого мало для погибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: „Ну, дружина Московская! Пойдемъ и мы!“ И выйдемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ, и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У неприятели же своихъ и сволочи 150,000 человекъ, кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ, что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу*). Прочитайте; понять можно, а толковать нечего“.

Я не смѣю дѣлать никакого замѣчанія на это объявленіе, но спрощу только: какъ надобно было понимать оное?

Сей день 18 Августа былъ черной день для меня. Я поздно узналъ, что не надобно мнѣ было возвращать пашпорта, а идти по указанію случая; насъ всегда губить мудрованіе! Прочитавъ, съ большимъ вниманіемъ, какъ предложеніе графа Растопчина вотчинному департаменту, такъ и объявленіе его жителямъ Москвы, помѣщенные въ семъ послѣднемъ слова: „непристойно, стыдно“, меня какъ громомъ поразили. Я думалъ, что сдѣлаю постыдное преступленіе, если воспользуюсь счастливымъ случаемъ, даннымъ мнѣ законнымъ увольненіемъ, и удалюсь изъ Москвы. Я страшился, чтобъ удаленіе мое въ такое время, когда самимъ Провидѣніемъ испытуетея усердіе служащаго чиновника и сына отечества, не постановлено бы мнѣ было поступкомъ, близкимъ къ измѣнѣ или предательству, и полагалъ: чѣмъ кто имѣетъ имянитѣе

*) Вторично Александръ Павловичъ въ Москву въ 1812 г. не пріѣзжалъ. П. Б.

происхожденіе свое, тѣмъ болѣе обязанъ служить престолу и отечеству по правдѣ. И въ таковыхъ-то мысляхъ рѣшился я возвратить данной мнѣ пашпортъ и остаться при своей должности.

Сего жъ 18 Августа графъ Растопчинъ далъ письменное приказаніе Московскому магистрату, чтобы онъ „людямъ купческаго и мѣщанскаго сословія не давалъ уже пашпортвъ о выѣздѣ ихъ изъ Москвы, кромѣ жонъ ихъ и малолѣтнихъ дѣтей“.

Вышедшее вышепрописанное отъ графа Растопчина печатное объявленіе, равно какъ и приказаніе его магистрату, чрезвычайно скоро разошлось по уѣзду, и толковали слова „непристойно, стыдно“, всякой по своему; запрещеніе же магистрату давать купцамъ и мѣщанамъ пашпортъ о выѣздѣ изъ Москвы совершенно вложило въ голову, что сіе запрещеніе есть всеѣмъ вообще, и потому тѣ люди, которые не имѣли нужды просить особенныхъ пашпортвъ, удаляясь изъ Москвы, находили въ пути своемъ большія непріятности, или лучше сказать, были въ величайшей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, чрезъ селенія которыхъ должны были ѣхать. Они называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали въ слѣдъ тѣмъ, которые мимо селеній ѣхали: „Куда, бояре, бѣжите вы съ холопами своими? Али невзгодѣ и на васъ пришло? И Москва въ опасности вамъ не мила уже?“ И которые изъ удалявшихся по необходимости должны были останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и корму лошадей, то таковые вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить себѣ за овесъ и сѣно въ три-дѣрога, и сверхъ того просто за постой не по пяти копѣекъ съ человѣка, какъ то обыкновенно платили, но по рублю и болѣе, и безпрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотѣли сдѣлаться жертвою негодованія противъ своего побѣгу осwirѣпѣвшаго народа. Многіе изъ удалявшихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвратились опять въ Москву пѣшками, лишившись дорогою и лошадей своихъ съ экипажемъ, и имущества. Я свидѣтельствуюсь въ истинѣ сихъ происшествій тѣми, кои удалялись въ то время изъ Москвы, и сами рассказывали со слезами о горестномъ своемъ положеніи. Между тѣмъ въ самой Москвѣ такъ вздорожалъ наемъ извозничьихъ и даже крестьянскихъ лошадей, что за 50 верстъ просили съ нанимающаго на три лошади триста рублей и болѣе, потому что богатые господа и купцы всехъ лошадей забрала; слѣдовательно, обремененной семействомъ человѣкъ въ недостаткахъ своихъ по неволѣ долженъ былъ остаться во власти непріятеля, тогда въ скоромъ времени овладѣвшаго Москвою.

Августа 19 дня. Возвративъ данной мнѣ паспортъ или свидѣтельство о увольненіи меня отъ должности на 28 дней, я присутствовалъ въ вотчинномъ департаментѣ съ прочими членами онаго. Мы имѣли разсужденіе относительно предложенія графа Ростопчина, „чтобъ были дѣла наши въ готовности къ отправленію оныхъ въ безопасное мѣсто“, и по предмету сего заключили опредѣленіемъ, всѣми тремя членами подписаннымъ и за скрѣпою секретаря, слѣдующаго содержания: „Такъ какъ по справкѣ оказалось, что при вотчинномъ департаментѣ, кромѣ текущихъ дѣлъ, которыхъ оставить можно на произволъ судьбы, находится еще самыхъ нужныхъ документовъ къ разрѣшенію споровъ тяжущихся между собою по вотчиннымъ дѣламъ, и документы сіи состоятъ частію въ огромныхъ книгахъ въ переплетѣ, частію въ связкахъ и въ сверткахъ, всего числомъ 42160; и по математической истинѣ сдѣланному вычисленію, полагая на каждую крестьянскую лошадь 18 пудъ, то потребно будетъ до тысячи лошадей“, и проч. и проч. Мы представили это наше опредѣленіе на разсмотрѣніе главному нашему начальнику, графу Дмитріеву-Мамонову, который, съ своей стороны, немедленно съ приложеніемъ этого нашего опредѣленія въ оригиналѣ, отнесся къ графу Ростопчину и просилъ меня, чтобъ я конвертъ его лично доставилъ въ собственныя руки графа, дабы избѣгнуть дальнѣйшей переписки и проволочки по сему предмету: ибо я, какъ членъ департамента, могъ дать ему нужныя свѣдѣнія и объясненія.

Графъ Ростопчинъ въ сіе время жилъ внѣ Москвы, въ загородномъ своемъ домѣ, и потому доставилъ я конвертъ графа Дмитріева-Мамонова на другой уже день и отдалъ оный, какъ приказано мнѣ было, въ собственныя руки его сіятельства; но графъ, спросивъ меня только: „Отъ ково?“ не удостоилъ болѣе разговоромъ. и не оказалъ большаго вниманія къ отношенію графа Дмитріева-Мамонова, даже не распечаталъ конверта, а кинулъ оный на столъ. (Надобно знать, что графъ Ростопчинъ былъ личный врагъ графу Дмитріеву-Мамонову). Послѣ двухъ часовъ ожиданія отвѣта, правитель канцеляріи его мнѣ объявилъ, что графъ Ростопчинъ самъ будетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ трактовать о дѣлахъ и архивѣ вотчиннаго департамента. Съ таковымъ отвѣтомъ и возвратился я къ графу Дмитріеву-Мамонову.

Августа 27 дня. Въ Москвѣ узнали о кровопролитномъ сраженіи при селѣ Бородинѣ, разстояніемъ отъ Москвы 120 верстъ.

Первый членъ департамента. Аничковъ, испросилъ себѣ отъ графа Дмитріева-Мамонова опять увольненіе отъ должности на 8 дней, и просилъ меня не только убѣдительно, но даже униженно, чтобъ не

сдѣлалъ я ему препятствія въ полученіи пашпорта, поелику онъ видѣлъ, что я самъ имѣлъ полное право на отпускъ. И я, снисходя тому жалкому положенію, въ которомъ онъ тогда находился, и не могши ожидать отъ него никакой помощи себѣ въ сохраненіи архива вотчиннаго департамента. буде нужда того потребуетъ, да и казалось мнѣ, что онъ прежде времени умеръ; ибо былъ блѣденъ и говорилъ дрожащимъ языкомъ, такъ что понять нельзя было, что онъ говорилъ, и потому не препятствовалъ ему получить пашпортъ, который я самъ и подписалъ. Такимъ образомъ я опять остался старшимъ членомъ вотчиннаго департамента.

Въ сей же день, 27 Августа, получено изъ С.-Петербурга, отъ министра юстиціи, Дмитріева, предписаніе, чтобы главной надзоръ надъ вотчиннымъ департаментомъ, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова*), поступившаго съ полкомъ, имъ формированнымъ, въ составъ арміи, имѣлъ оберъ-прокуроръ Озеровъ.

Августа 28 дня. Привезли въ Москву раненыхъ при селѣ Бородинѣ и помѣстили ихъ въ разныхъ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ.

Въ ночи съ 29 на 30 число Августа. Господа оберъ-прокуроры правительствующаго Сената всѣхъ департаментовъ имѣли необыкновенное свое ночное засѣданіе, и отъ оберъ-прокурора Озерова, принявшаго главной надзоръ надъ вотчиннымъ департаментомъ, приказано было, чтобы и я, съ чиновниками моими, въ это время находились при своемъ мѣстѣ. Я воздерживаюсь дѣлать какія нибудь замѣчанія о семъ ночномъ засѣданіи, но долженъ сказать, что господа оберъ-прокуроры, послѣ многого разсужденія относительно къ представшей опасности столицѣ Москвѣ (ибо и „главная, де, квартира непріятели, говорили они, не далѣе уже сорока верстъ“) не приняли, однакожъ, никакихъ мѣръ съ сохраненію архива вотчиннаго департамента, равно какъ и небольшой суммы денегъ, частію въ мѣдной монетѣ прежняго чекана, при ономъ состоявшей, и ночное свое засѣданіе заключили опредѣленіемъ, которое и мнѣ объявили: „Послать нарочнаго курьера въ С.-Петербургъ, и съ прописаніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Москва, испросить отъ министра юстиціи приказаніе, что дѣлать съ архивомъ вотчиннаго департамента.“ И курьеръ съ таковымъ донесеніемъ отправленъ на другой уже день, поздно, то есть 31 Августа.

---

*) Графу М. А. Дмитріеву-Мамонову было всего 23 года. Онъ получилъ отличное образованіе. Ему покровительствовалъ министр юстиціи И. И. Дмитріевъ, увѣренный, что онъ одного съ нимъ происхожденія отъ Рюрика. Князь П. В. Долгорукій, въ Родословной Книгѣ, отрицаетъ это. П. Б.

Сіе ночное засѣданіе составляли господа оберъ-прокуроры: графъ Кутайсовъ, Озеровъ, Засѣцкій и Лужинъ. Оное продолжалось съ 10 часовъ вечера до 3 часовъ слѣдующаго утра¹⁾.

Августа 30 дня. Выдано въ народъ слѣдующее печатное объявленіе:

„Свѣтлѣйшій князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешель Можайскъ, и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ; къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ нарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чево дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперъ не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всево лучше вилы тройчатки: Французъ не тяжеле снопа аржанаго. Завтре послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь²⁾ къ раненымъ; тамъ воду освятимъ; они скоро выздоровѣють, и я теперъ здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперъ смотрю въ оба!

30 Августа 1812 года.

Подписалъ: *Графъ Растропчинъ*“.

Это объявленіе въ народъ, которое, казалось бы, само по себѣ ничего не значило, причинило, однакожь, ужасное волненіе въ народѣ, волненіе самое убійственное: стали разбивать кабаки, питейная контора на улицѣ Поварской разграблена, на улицахъ крикъ, драка, останавливали прохожихъ, спрашивая, „гдѣ непріятель?“ Трудно было отойти отъ нихъ. Въ Серебрянномъ ряду двое Нѣмцовъ, жившихъ въ Россіи нѣсколько десятковъ уже лѣтъ, желали размѣнять ассигнаціи на серебро, и когда они не хотѣли дать промѣну, который мѣняли требовали, то силою отняли у нихъ деньги, а самихъ ихъ избили до полусмерти, подъ предлогомъ, будто они шпіоны; словомъ, Москва въ этотъ день какъ будто вовсе была безъ начальства.

Я, проходя въ 10 часовъ утра изъ дому въ вотчинной департаментъ, встрѣтилъ въ городѣ, у Лобнаго мѣста, чтдъ близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, огромное стеченіе народа, большою частію пьяныхъ,

¹⁾ Въ это засѣданіе, прокуроръ, молодой князь С. И. Гагаринъ уговорилъ сенаторовъ подписать заявленіе о томъ, что если бы Наполеонъ потребовалъ отъ Сената какого-либо распоряженія, то они обязуются не исполнять его. П. Б.

²⁾ Нынѣшняя Старая Екатерининская больница въ Сушеві. П. Б.

готовыхъ на всякое буйство. Въ толпѣ сей говорили, что графъ Ростопчинъ сзываетъ уже сыновъ отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ, для отраженія врага отъ Москвы, и что завтнешній день съ восходомъ солнца народъ долженъ собираться, кто съ чѣмъ можетъ, въ назначенное имъ мѣсто¹⁾).

Въ вотчинномъ департаментѣ я нашелъ все въ порядкѣ: дежурные чиновники были при своихъ мѣстахъ; однакожъ многіе удалились уже изъ Москвы, безъ вѣдома моего.

Въ сей же день, по вечеру, пріѣхали за мною отъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго шесть лошадей въ двухъ повозкахъ, а супруга его, графиня Анна Володимировна, прислала мнѣ 400 рублей ассигнаціями, которые я, отъ аптекаря Ауербаха, и получилъ. Сверхъ того, графъ Бобринскій прислалъ мнѣ, при особой запискѣ своей, съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ съ лошадьми за мною, 240 Голландскихъ червонцовъ и просилъ меня, чтобъ я поспѣшилъ къ нему пріѣздомъ²⁾).

Это частность, и я упомянулъ объ ономъ только для того, чтобы доказать, что я всѣ способы имѣлъ удалиться отъ непріятели: имѣлъ и деньги, и лошадей, но не имѣлъ ни отъ какого начальства приказанія оставить мое мѣсто, а самому собою нарушить присягу и въ духѣ труса, спасая себя, кинувъ архивъ вотчиннаго департамента на произволь судьбы, я не думалъ имѣть право: и если въ послѣдствіи сей подвигъ усердія моего поставленъ мнѣ былъ въ преступленіе, и безъ суда еще совершены на мнѣ жестокости наказанія, то все таки преступленіе мое было похвальное, а подвигъ истинно патріотическій, коимъ я имѣю полное право гордиться и хвалиться: по крайней мѣрѣ, сохраненіемъ архива вотчиннаго департамента я заплатилъ любезному отечеству за воспитаніе мое.

Августа 31 дня. Я рано вышелъ изъ дому моего, желая поспѣть, что дѣлается въ городѣ, и прошелъ до Прѣсененской заставы, изъ которой дорога на Три Горы. Боже мой! Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ я на православной Русской народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцовъ купленнымъ: другіе шли съ пиками,

---

¹⁾ Не одинъ простой народъ готовился сразиться: Карамзинъ, отправивъ свое семейство и свои бумаги въ Ярославль и поселившись у гр. Ростопчина на Лубянкѣ, держалъ на готовѣ лошадей, на которой думалъ принять участіе въ сраженіи подъ Москвою, о чемъ сохранилось его письмо къ его брату въ Симбирскую деревню. П. Б.

²⁾ Бобринскіе жили тогда въ своемъ помѣстьѣ Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи. Графъ Бобринскій (первый этого имени) умеръ тамъ въ слѣдующемъ 1813 году. П. Б.

вплами, топорами въ предмѣстіе Три Горы, чтобъ спасти отъ наступающаго врага Москву, колыбель Православія и гробы праотцевъ, и съ духомъ истиннаго патріотизма въ одинъ голосъ кричали: „Да здравствуетъ батюшка нашъ, Александръ!“ Малѣйшая поддержка этого патріотическаго взрыва, и Богъ знаетъ, взошелъ ли бы непріятель въ Москву? Народъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на пространствѣ 4 или 5 верстъ квадратныхъ, съ восхожденіемъ солнца до захода, не расходился, въ ожиданіи графа Раstopчина, какъ онъ самъ обѣщаль предводительствовать ими; но полководецъ не явился, и всѣ, съ горестнымъ уныніемъ, разошлись по домамъ.

Сентября 1 дня. Рано утромъ разбуженъ я былъ приходомъ ко мнѣ третьяго члена вотчиннаго департамента, Иванова. Онъ принесъ мнѣ конвертъ, содержащій въ себѣ предложеніе оберъ-прокурора Озерова, которому препорученъ главной надзоръ надъ вотчиннымъ департаментомъ. Распечатавъ конвертъ, прочиталь я слѣдующее:

„Вотчинному департаменту.

„Такъ какъ оберъ-прокуроръ сената („г. Озеровъ“) отправляется съ Правительствующимъ Сенатомъ въ городъ Казань, то и передаетъ власть свою надъ департаментомъ старшему по себѣ“.

Но какое удивленіе мое было: лишь прочиталь я сіи строки, увидѣлъ у ногъ моихъ его Иванова, блѣднаго, трепещущаго, умоляющаго меня подписать ему пашпортъ о выѣздѣ изъ Москвы, который онъ уже держаль въ рукахъ своихъ. Я подписалъ сей пашпортъ; въ противномъ случаѣ онъ уѣхаль бы и безъ пашпорта моего, а можетъ быть еще и того хуже, умеръ бы отъ страха, и причину смерти его приписали бы мнѣ.

Такъ какъ я оставался старшій въ вотчинномъ департаментѣ, или, лучше сказать, оставался одинъ съ нѣсколькими чиновниками, то, по уходѣ отъ меня Иванова, поспѣшилъ въ домъ оберъ-прокурора Озерова, чтобъ узнать отъ него, въ чемъ власть его надъ вотчиннымъ департаментомъ, которую онъ передаетъ мнѣ, и принять наставленіе, что мнѣ самому дѣлать въ опасностяхъ, отъ которыхъ онъ удаляется; но его превосходительства я не могъ видѣть: онъ уже далеко былъ отъ Москвы.

Возвратясь на квартиру, я разсуждалъ, что трусость, которую обнаружу подлымъ бѣгствомъ отъ непріятеля, кинувъ сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы вотчиннаго департамента, на произволъ судьбы, будетъ со стороны моей подлымъ нару-

шеніемъ присяги: я, возложивъ все упованіе мое на Всемогущаго Творца, оставилъ квартиру свою со всёми моимъ въ оной имуществомъ, приказалъ людямъ моимъ не оставлять квартиры до самой уже невозможности быть въ оной, отпустилъ лошадей графа Бобринскаго, присланныхъ за мною, и, взявъ жену и малолѣтнихъ моихъ дѣтей, пошелъ съ ними въ Кремль, гдѣ я сдѣлалъ самаго себя стражемъ вотчиннаго департамента.

Послѣ полудня ходилъ я къ Дорогомиловской заставѣ, въ которую долженъ входить непріятель передовыми своими войсками, и на Арбатской улицѣ встрѣтилъ генерала отъ артиллеріи Левенштерна и адъютанта его, Фадѣева, съ которымъ я давнымъ давно знакомъ, но около девяти лѣтъ не видался съ нимъ. Мы оба обрадовались свиданію нашему; я узналъ отъ него, что непріятель непремѣнно войдетъ въ Москву, потому что *наша армія почти погибла* и осталась не въ большомъ числѣ, но что еще дня два, какъ кажется, сказалъ онъ, простоять около Москвы. Фадѣевъ имѣлъ какое-то препорученіе, и мы скоро разстались. Когда стало смеркаться, то съ берегу Москвы рѣки, у самаго Дорогомилова моста, видно было, что освѣтились бивуаки нашей арміи, расположенной у Поклонной горы, версты 3 отъ заставы Дорогомиловской. Народное буйство въ Москвѣ, бывшее въ этотъ вечеръ, описать нельзя.

Возвратясь въ вотчинной департаментъ, я нашолъ тамъ все благополучно: семейство мое уже покоилось; караулъ, стоявшій на кругломъ дворѣ сенатскаго зданія, билъ по обыкновенію вечернюю зорю, и я, осмотрѣвъ обои двери въ вотчинной департаментъ, заперъ ихъ и ключъ взялъ къ себѣ.

Сентября 2 дня. Я почти совсѣмъ не спалъ, а дремалъ только и, къ удивленію моему, стоявшій караулъ на внутреннемъ кругломъ дворѣ сенатскаго зданія и бившій вчерашняго вечера еще зорю, ночью снятъ былъ съ своего мѣста. Я предоставляю отцамъ семейства посудить о положеніи, въ которомъ долженъ я былъ находиться.

Въ 8 часовъ утра стали сходитьсь въ вотчинной департаментъ чпновники и приказнослужители. Я имѣлъ, какъ начальникъ ихъ, справедливую причину выговаривать нѣкоторымъ, почему они, бывъ дежурные и дневальные, не находились въ сію ночь при своихъ мѣстахъ, и, за такое ихъ нерадѣніе и пренебреженіе къ службѣ, угрожалъ послать ихъ къ наказанію къ г-ну Московскому коменданту; но бывшій

секретаремъ сего департамента, а потомъ и дѣйствительнымъ членомъ онаго, „Рыбниковъ“, язвительно мнѣ отвѣчалъ: „Ни коменданта, ни главнокомандующаго Москвою, ни оберъ-полиціймейстера, ни полицейскихъ чиновниковъ, никого уже нѣтъ въ Москвѣ, а вы хотите, чтобъ мы были при своихъ мѣстахъ“. И въ самое это время вошедшій въ департаментъ чиновникъ (не помню имени его) сказалъ: „Ахъ, Алексѣй Дмитріевичъ, какой ужасъ я видѣлъ, проходя мимо дома графа Растопчина, котораго дворъ былъ полонъ людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтобъ шель онъ на Три Горы предводительствовать ими къ отраженію непріятели отъ Москвы. Вскорѣ—продолжалъ чиновникъ—на таковой зовъ вышелъ и самъ графъ на крыльцо, и громогласно сказалъ: „Подождите, братцы! Мнѣ надобно еще управиться съ измѣнникомъ!“ И тутъ представленъ ему несчастный купеческій сынъ 20 лѣтъ, Верещагинъ, приведенный уже съ утра изъ временной тюрьмы (ямы) въ тулупѣ на лисьемъ мѣху, и Растопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу: „Вотъ измѣнникъ! Отъ него погибаетъ Москва!“ Несчастный Верещагинъ, блѣдный, только успѣлъ громко сказать: „Грѣхъ вашему сіятельству будетъ!“ Растопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій близъ Верещагина ординарецъ графа по имени Бурдаевъ (нынѣ онъ въ Москвѣ полицейскій чиновникъ, квартальнымъ надзирателемъ) ударилъ его саблею въ лицо; несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ. Самъ же графъ Растопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца и въ задніе ворота дому своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ“.

Слушая чиновника, рассказывавшаго сіе ужасное происшествіе, я душевно страдалъ и, не продолжая болѣе выговоромъ моихъ виновнымъ моимъ чиновникамъ, приказалъ протоколисту, Бородину, сдѣлать журналъ слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ я одинъ цѣлаго присутствія вотчиннаго департамента составлять не могу, а потому и закрываю присутствие; но какъ чиновники и приказнослужители сего департамента за истекшій Августъ мѣсяцъ не получали слѣдуемаго имъ жалованья, и Правительствующаго Сената 6-го департамента, отъ котораго долженъ я требовать разрѣшенія о выдачѣ онаго, въ Москвѣ уже не находится, то и опредѣляю выдать сіе жалованье, кому сколько слѣдуетъ, а по раздачѣ онаго, выдать еще впередъ за два мѣсяца на собственную мою отвѣтственность начальству“. Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику, Рудакову, вмѣстѣ съ эзекуторомъ департамента, Гиринымъ, и двумя чиновниками при нихъ, принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями, а мѣдную монету въ мѣшкахъ перенести въ присут-

ственную камору, оставивъ кладовую не запертою уже. Выдалъ я расходчику, Рудакову, нужную сумму для раздачи чиновникамъ и приказнослужителямъ, на лицо состоявшимъ по списку, опредѣленное имъ жалованье за одинъ только мѣсяць истекшій Августъ.

Надобно знать, что я въ личномъ вѣдѣніи моемъ никакой суммы денегъ не имѣлъ, а находившаяся при вотчинномъ департаментѣ состояла подъ вѣдѣніемъ 3-го члена департамента, Иванова, который вчерашнаго числа выѣхалъ изъ Москвы, не сдавъ оной никому; а также и секретарь, при сей суммѣ находившійся, титулярной совѣтникъ, Воробьевъ (изъ господскихъ людей), уѣхалъ изъ Москвы, дней пять тому назадъ, какъ сказывалъ мнѣ приказнослужитель, съ нимъ вмѣстѣ жившій, не испрося, однакожь, ни отъ кого позволенія. Сей денежной казнѣ, при вотчинномъ департаментѣ состоявшей, 1-го Сентября свидѣтельства по обыкновенію дѣлаемо не было, потому что 1-е Сентября было Воскресенье, а болѣе по смутнымъ обстоятельствамъ. Экзекутору департамента, коллежскому ассессору, Гаврилъ Петровичу Гирину, осьмидесятилѣтнему старику, приказалъ я со всѣмъ его семействомъ перебраться въ вотчинной департаментъ и находиться при мнѣ. Онъ и вышелъ изъ департамента въ свой домъ, но я его уже болѣе не видѣлъ.

Расходчикъ Рудаковъ раздавалъ жалованье чиновникамъ и приказнослужителямъ, а я пошелъ посмотрѣть, чтò дѣлается въ городѣ. На Лобномъ мѣстѣ, чтò близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, площадь была полна народу, такъ что тѣсно было; въ воздухѣ же былъ нестерпимый смрадъ отъ того, что *лавки Москотильнаго ряда были уже зажжены и, какъ говорили, зажжалъ лавки самъ частной приставъ городской части, какой-то князь*. Тутъ, на Лобномъ мѣстѣ, встрѣтилъ я графа Дмитріева-Мамонова: онъ былъ на конѣ и, увидя меня, соскочилъ съ лошади и спросилъ; „Чтò ты тутъ дѣлаешь, *Бестужевъ?* Непрїятель входитъ уже въ Москву!“ Я отвѣчалъ: „Любезный графъ! Я не имѣю особеннаго повелѣнія оставить моего мѣста, а самому собою нарушить присягу и въ духѣ труса, кинувъ на произволь судьбы архивъ вотчиннаго департамента, отъ непрїятеля бѣжать не думаю быть въ правѣ, а потому и остаюсь при своемъ мѣстѣ; чтò будетъ, то и будетъ“.—„Ну, прощай“, сказалъ графъ и, поцѣловавшись со мною, промолвивъ: „Да сохранить тебя Господь Богъ!“ поѣхалъ.

Возвратясь въ вотчинной департаментъ, я подписалъ многимъ чиновникамъ и приказнослужителямъ пашпорты о свободномъ имъ выѣздѣ изъ Москвы. Расходчикъ Рудаковъ еще продолжалъ раздачу

жалованья. Было 3 часа по полудни, и я распустилъ чиновниковъ и приказнослужителей по квартирамъ ихъ, приказавъ часа черезъ два возвратиться въ вотчинной депертаментъ, а оставилъ при себѣ однихъ только дежурныхъ и дневальныхъ.

Любопытствуя узнать, что дѣлается на большой Арбатской улицѣ, по которой, какъ я думалъ, непріятель долженъ входить (а онъ, напротивъ, вошелъ во всѣ заставы, которыя на сторонѣ къ городу Смоленску, то есть, въ Дорогомилловскую, Прѣсенскую, Тверскую, Мюзскую и другія), я взялъ съ собою чиновника и вышелъ изъ Кремля. Въ сіе время на Ивановской колокольнѣ ударилъ колоколъ къ вечерней молитвѣ.

Лишь только я съ чиновникомъ вышли изъ Кремля, то встрѣтили пьянаго господскаго человѣка, у котораго въ одной рукѣ было ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Сей человѣкъ былъ въ самомъ безобразномъ видѣ и, покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, что-то бормоталъ про себя. Я, усмѣхнувшись, сказалъ бывшему со мною чиновнику довольно громко: „Вотъ видишь, что значитъ безначаліе“, и отошелъ уже отъ сего пьянаго нѣсколько шаговъ, какъ кинулъ онъ въ меня ружье со штыкомъ, которымъ, слава Богу, не попалъ, но въ слѣдъ за онымъ кинулъ и карабинъ, которымъ ушибъ меня крѣпко въ ногу. Почувствовавъ чрезвычайную боль въ ногѣ, я воротился, и кой-какъ дотащился до вотчиннаго департамента.

Въ 4 часа по полудни пушечные выстрѣлы холостыми зарядами, по Арбатской и другимъ улицамъ, возвѣстили входъ непріятеля въ Московскія заставы. Я считалъ выстрѣлы (ихъ было 18), звонъ на Ивановской колокольнѣ утихъ, и вскорѣ Троицкіе ворота въ Кремль, которые были на глухо заколочены, и только одна калитка для проходу оставлена, выломлены, и нѣсколько Польскихъ улановъ въѣхало въ Кремль чрезъ оныя. Мѣсто это изъ оконъ вотчиннаго департамента видно, ибо нѣкоторыя окна прямо противъ Троицкихъ воротъ. Я вскричалъ: „Вѣрно это непріятель!“ — „Э! нѣтъ“, отвѣчалъ мой знакомый, пришедшій въ департаментъ со мною проститься; „это нашъ арріергардъ отступающій“. Но увидѣли мы, что въѣхавшіе уланы стали рубить стоявшихъ у арсенала нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ, которое изъ онаго только что взяли, и уже человѣкъ десять пали окровавленные, а остальные, отбросивъ оружіе и ставъ на колѣни, просили помилованія. Уланы сошли съ коней своихъ, отбили приклады у ружей, и безъ того къ употребленію негодившихся, забрали людей и засадили

ихъ въ новостроющуюся Оружейную Палату*). Я заперъ входъ и выходъ въ вотчинной департаментъ, взялъ ключи къ себѣ и приставилъ къ дверямъ къ каждой по одному инвалиду, при департаментѣ служившихъ, приказавъ тотчасъ увѣдомить меня, коль скоро кто будетъ стучаться.

Вскорѣ за передовыми Польскими уланами стала входить и непріятельская конница: впереди ѣхалъ генераль, и музыка гремѣла. Когда сіе войско входило въ Кремль, то на стѣнныхъ часахъ, которые въ департаментѣ, показывалось 4¹/₂ часа. Это войско входило въ Троицкіе и Боровицкіе ворота, проходило мимо сенатскаго зданія и вышло въ Китай городъ чрезъ Спасскіе ворота; шествіе этой конницы продолжалось до глубокихъ сумерекъ непрерывно. Ввезена въ Кремль пушка, и сдѣланъ выстрѣлъ къ Никольскимъ воротамъ, холостымъ зарядомъ; вѣроятно, сей выстрѣлъ служилъ сигналомъ.

Одинъ изъ инвалидовъ солдатъ, которыхъ я поставилъ у входа дверей въ департаментъ, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что кто-то стучится крѣпко въ двери. Я отперъ. Это были люди мои, которые оставались на квартирѣ. Они сказали, что непріятель овладѣлъ уже совершенно Москвою, и что въ домъ, въ которомъ я жилъ, вошло около 40 человекъ, но что имъ никакой обиды сдѣлано не было. Когда стало смеркаться, то пламя зажженнаго утромъ москотильнаго ряда, освѣтило комнаты департамента такъ, что никакой надобности не было въ свѣчахъ. Круглой въ сенатскомъ зданіи дворъ занять непріятельскими солдатами, и видно было изъ оконъ департамента, что нѣсколько человекъ бѣгало съ огнемъ по комнатамъ (въ которыхъ присутствовали сенаторы), выкидывали столы и стулья на дворъ для бивакъ своихъ. Хотя ночь эта и была ужасная ночь для меня, но, слава Богу, никто изъ непріятелей не входилъ въ вотчинной департаментъ, и какъ я самъ, такъ и всѣ бывшіе при мнѣ, оставались спокойны.

По сю пору мы не видали еще крови, кромѣ крови несчастнаго Верещагина и, часа два тому назадъ, непріятельскими уланами избитыхъ у Арсенала.

Симъ кончаю описаніе происшествій въ 1812 году въ Москвѣ, до входа непріятельскихъ войскъ въ сію столицу. Я описалъ и причины, почему я остался во власти непріятеля. И если таковой примѣрной подвигъ усердія моего, которой бы долженъ былъ заслужить вниманіе, уваженіе и награду, но несправедливостію бывшаго тогда министромъ юстиціи, Дмитріева и главнокомандовавшаго Москвою,

---

*) Ншиѣ казармы Екатеринославскаго полка. П. Б.

графа Растопчина, почитается преступленіемъ и наказывается жесточайшимъ образомъ. Въ такомъ случаѣ надобно дать новую форму клятвенному нашему обѣщанію и положить въ оной предѣлы, до которыхъ поръ служащій чиновникъ долженъ сохранить присягу свою, и буде только до того времени, покуда чиновнику личная опасность не представится, то невѣроятно, чтобъ царствующій Монархъ имѣлъ бы истинно приверженныхъ къ престолу своему, а отечество останется безъ пламенныхъ сыновъ, и несправедливость, мнѣ оказанная, можетъ устрашить всякаго служить по правдѣ и прямымъ путемъ службы искать себѣ чести.

Второе отдѣленіе сего описанія будетъ заключать въ себѣ ужасныя происшествія въ Москвѣ въ шестинедѣльное пребываніе въ ней непріятеля. Я говорю ужасныя, потому что съ дѣтства жилъ подъ благотворными и кроткими законами возлюбленныхъ нашихъ монарховъ и подобныхъ дѣяній не видѣлъ.

Свѣдѣнія о сочинителѣ краткаго описанія происшествіямъ въ Москвѣ въ 1812 году.

Надворный совѣтникъ А. Д. Бестужевъ-Рюминъ въ 1812 г. служилъ въ бывшемъ вотчинномъ департаментѣ ассессоромъ. Въ началѣ 1813 года возникло объ немъ дѣло, производившееся, въ слѣдствіе предписанія г. министра юстиціи, въ особо учрежденной для того комиссіи. Почему завѣдывавшій въ то время департаментомъ, обер-прокуроръ Огаревъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы онъ къ присутствованію въ департаментѣ допускаемъ не былъ. А 17 Марта того же года указомъ Правительствующаго Сената Бестужевъ-Рюминъ отъ занимаемой имъ должности уволенъ, съ причисленіемъ къ герольдіи.

Этимъ и ограничиваются всѣ официальные извѣстія объ немъ, сохранившіяся въ дѣлахъ бывшего вотчиннаго департамента. Но вотъ нѣкоторыя подробности о жизни его въ Москвѣ во время непріятельскаго нашествія въ 1812 году, переданныя сослуживцемъ его, Н. С. Налетовымъ, жившимъ тогда также въ Москвѣ.

Предъ вступленіемъ Французовъ въ Москву, какъ извѣстно, всѣ жители искали спасенія отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій. Увлеченный общимъ примѣромъ, Бестужевъ-Рюминъ съ женою и двумя малолѣтними сыновьями изъ квартиры своей перебрался въ вотчинный департаментъ, надѣясь быть тамъ болѣе безопаснымъ. Это было въ Воскресенье утромъ,

1-го Сентября, а на слѣдующій день непріатели уже овладѣли Москвою и въ Троицкіе ворота вторгнулись въ Кремль. Разогнавъ холостымъ пушечнымъ выстрѣломъ народъ, толпившійся около Арсенала для взятія оттуда сабель и ружей, они рассыпались по всему Кремлю, вломились въ зданіе Сената и наконецъ достигли вотчиннаго департамента. Въ это время находились тамъ многіе чиновники, еще съ утра пришедшіе за полученіемъ жалованья. Французы загородили имъ ружьями всѣ входы и выходы, обобрали ихъ всѣхъ до одного, въ томъ числѣ и Бестужева-Рюмина, и выгнали вонъ, а сами остались для помѣщенія въ архивахъ департамента.

Тогда Бестужевъ съ семействомъ своимъ побрелъ опять на прежнюю квартиру, гдѣ, кромѣ голыхъ стѣнъ, не нашелъ уже ничего: все было разграблено, а вскорѣ огонь лишилъ его самого крова: домъ, въ которомъ онъ помѣщался, сдѣлался жертвою пожара.

Послѣ того жилъ онъ нѣсколько времени въ зданіи Медико-хирургической Академіи*). Средствъ къ жизни никакихъ у него не было, нужда была крайняя; оставалась одна надежда на человѣколюбіе. Но куда и къ кому обратиться? Наконецъ пришла ему счастливая мысль пойти поискать своихъ знакомыхъ. Съ этою цѣлью онъ отправился на Петровку, въ домъ князя Одоевскаго: здѣсь укрывался знакомый ему чиновникъ, М. И. Къ нему-то Бестужевъ и рѣшился прибѣгнуть съ просьбою о помощи. Этотъ сжалился надъ нимъ, накормилъ его съ женою и дѣтьми и далъ у себя пристанище.

Оставивъ здѣсь семейство, пошелъ онъ на Тверскую, съ намѣреніемъ отыскать домъ одного своего благодѣтеля (фамиліи котораго передающій этотъ рассказъ не помнитъ), и вдругъ былъ окруженъ Французами. Видя, что онъ умѣетъ говорить по французски, они схватили его и представили къ Наполеону. На предложеніе Наполеона вступить къ нему въ службу, Бестужевъ отвѣчалъ, что считаетъ противнымъ долгу чести и присяги служить двумъ императорамъ. Наполеонъ приказалъ отпустить его.

На возвратномъ пути ожидало Бестужева новое несчастіе: на Тверскомъ бульварѣ онъ былъ ограбленъ Поляками. И въ этотъ разъ М. И. выручилъ его изъ бѣды, снабдивъ старою фризвою шинелью.

Москва давно уже горѣла. Пожаръ сталъ угрожать и дому князя Одоевскаго. Бестужевъ долженъ былъ искать новаго убѣжища, и вотъ онъ, съ женою и дѣтьми, рѣшился идти въ ту сторону, гдѣ находился

---

*) Т. е. на Рождественкѣ; нынѣ Строгановское училище. П. Б.

Полевой дворъ¹⁾. Тамъ на огородахъ стояла изба, въ которой онъ и расположился провести ночь, вмѣстѣ со многими другими несчастными и безпріютными; но и это единственное убѣжище вздумалъ кто-то поджечь. Проведя остатокъ ночи подъ открытымъ небомъ, на огородахъ, между капустными грядками, рано утромъ воротился онъ въ домъ князя Одоевскаго. Но благодѣтеля своего М. И. уже не нашелъ тамъ: пожаръ заставилъ и его удалиться въ другое мѣсто.

Такимъ образомъ положеніе Бестужева сдѣлалось снова безвыходнымъ: ни пристанища, ни хлѣба не было; дѣти страдали отъ холода и голода; это беспокоило его больше всего. Чтобы хотя сколько-нибудь обогрѣть малютокъ, онъ повелъ ихъ на Самотеку въ баню, но баня уже не было; онѣ также сгорѣли.

Нужно было достать для нихъ, по крайней мѣрѣ, хлѣба. Судьба помогла ему въ этомъ. Бродя съ ними по улицамъ, онъ встрѣтилъ стараго хромаго солдата и вздумалъ попросить у него хлѣба. Солдатъ отвѣчалъ ему: „Хлѣба нѣтъ у меня; самъ питаюсь разводимою въ водѣ мукою; муки, пожалуй, дамъ“. И дѣйствительно подѣлился.

Тогда Бестужевъ, успокоенный нѣсколько тѣмъ, что можетъ, наконецъ, накормить дѣтей, поспѣшилъ въ уцѣлѣвшій, къ счастью, домъ князя Одоевскаго. М. И. былъ опять уже тамъ. Жену и дѣтей Бестужевъ оставилъ у него, а самъ пошелъ къ Москвѣ рѣкѣ, гдѣ какъ онъ слышалъ, можно было брать подмоченную на баркахъ пшеницу; но едва вышелъ изъ дома, какъ былъ схваченъ Французами и снова приведенъ къ Наполеону. На этотъ разъ Бестужеву не удалось отдѣлаться отъ Наполеона; онъ долженъ былъ вступить въ его службу и сдѣланъ членомъ муниципальнаго совѣта²⁾, а въ отличіе отъ прочихъ велѣно ему носить голубую ленту на лѣвомъ рукавѣ, выше локтя.

Въ это время нижніе Французскіе чины считали Бестужева городскимъ начальникомъ. Онъ умѣлъ пользоваться этимъ какъ нельзя лучше; бралъ у Французовъ хлѣбъ и раздавалъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ, въ особенности семейнымъ и, такимъ образомъ, облегчалъ участь многихъ несчастныхъ.

¹⁾ Надо замѣтить, что огонь по вѣтру шелъ въ направленіи къ Полевому двору; здѣсь, не встрѣчая на пути своемъ ничего, кромѣ огородовъ, онъ прекратился.

²⁾ Этотъ Муниципальный Совѣтъ помѣщался на Покровкѣ, въ домѣ Румянцова. По выходѣ непріятеля изъ Москвы, найденъ здѣсь гр. Растопчиннымъ списокъ всѣхъ Русскихъ чиновниковъ, находившихся въ службѣ у Французовъ; въ немъ упомянутъ и Бестужевъ-Рюминъ. Вскорѣ Бестужевъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. На проѣздъ и путевыя издержки посланы ему деньги отъ одного сенатора.

Къ чести его должно также сказать, что онъ заботился о сохраненіи въ цѣлости вотчиннаго департамента. Такъ, бывши однажды въ Кремлѣ, онъ увидѣлъ, что Французы изъ оконъ архива выкидывали книги и дѣла въ вязкахъ; тотчасъ же отправился къ Наполеону, какъ членъ муниципальнаго совѣта былъ допущенъ къ нему и донесъ ему объ этомъ. Наполеонъ, по просьбѣ его, приказалъ къ архиву приставить карауль.

Его превосходительству, господину тайному совѣтнику, министру юстиціи и разныхъ орденовъ кавалеру, Ивану Ивановичу Дмитріеву, отъ надворнаго совѣтника Вестужева-Рюмина

Д О Н О Ш Е Н І Е .

2-Маія прошедшаго 1812-го года, указомъ Правительствующаго Сената, по предложенію вашего превосходительства, опредѣленъ я членомъ вотчиннаго департамента. 2 Сентября, того жъ 1812-го года, непріятель овладѣлъ Москвою, и дѣла вотчиннаго департамента, при которыхъ я былъ изъ членовъ въ наличности одинъ, остались во власти его, въ которой и находились по 11 число Октября мѣсяца. Въ сей день непріятель совершенно очистилъ Москву, оставя въ Воспитательномъ Домѣ однихъ больныхъ и раненыхъ. Вскорѣ потомъ учреждена, по имянному Его Императорскаго Величества повелѣнію, Коммисія о разграбленіи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ сей столицѣ, имѣли должности? Коммисія засѣданія свои уже кончила; а какъ и я былъ подъ слѣдствіемъ оной и извѣстился при томъ, что вашего превосходительства предписаніемъ г. статскому совѣтнику Огареву, пребывающему нынѣ въ Москвѣ по дѣламъ службы, приказали запретить мнѣ присутствовать въ вотчинномъ департаментѣ, а потому, окончивъ, такимъ образомъ, служеніе мое подъ начальствомъ вашимъ, поставляю однакожъ долгомъ сдѣлать вашему превосходительству полное донесеніе объ обстоятельствахъ, почему дѣла вотчиннаго департамента оставались не вывезенными по примѣру прочихъ мѣстъ, а равно и о моихъ усиліяхъ къ сохраненію сихъ дѣлъ во время пребыванія непріятели въ Москвѣ и, наконецъ, о всѣхъ происшествіяхъ, которыя могутъ оправдывать мои дѣйствія, въ сіе время безначалія, на пользу отечества и несчастныхъ соотечественниковъ моихъ, находившихся со мною въ плѣну.

Въ началѣ *Юля* совѣтникъ департамента, г. статскій совѣтникъ Аничковъ, по предложенію главнаго директора, графа Дмитріева-Мамонова, уволенъ по надобностямъ его, на 28 дней, а управленіе департа-

ментомъ препоручилъ мнѣ. А какъ онъ, г. Аничковъ, явился на срокъ къ должности своей, то есть, въ первыхъ числахъ Августа мѣсяца, тогда изъявилъ я желаніе быть уволену на 28 дней по моимъ потребностямъ въ Тульскую губ., въ гор. Богородскъ. Присутствіе вотчиннаго департамента входило съ представленіемъ о семъ моемъ увольненіи къ главному директору, графу Дмитріеву-Мамонову, которой и изъявилъ на оное свое согласіе предложеніемъ, и потому 9-го Августа, получа пашпортъ, я кончилъ присутствіе мое въ департаментѣ, однакожь, по причинѣ болѣзненнаго состоянія жены моей, изъ Москвы не выѣхалъ.

18-ю *Августа* получено отношеніе на имя департамента, отъ г. главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Федора Васильевича Раstopчина. Въ семъ отношеніи его сіятельство предлагалъ департаменту уложить дѣла онаго и имѣть ихъ въ готовности къ отвозу, буде нужда того потребуеть, а о нужномъ количествѣ на то лошадей предоставилъ департаменту самому требовать отъ г. гражданскаго губернатора. Въ разсужденіи таковыхъ обстоятельствъ я почиталъ преступленіемъ оставить департаментъ, когда нужно было дѣйствовать къ спасенію его общими силами; и если я, по новости служенія моего въ ономъ мѣстѣ, не могу равнять себя противъ сотоварищей моихъ въ знаніи дѣлъ, принадлежащихъ оному департаменту, то могу сказать, что я болѣе ихъ чувствовалъ всю необходимость къ внутреннему спокойствію отечества сохраненія архива и дѣлъ онаго, потому, возвратя данной мнѣ пашпортъ, остался при должности моей. Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, въ семъ мѣстѣ сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе. Въ предписаніи вашемъ г. статскому совѣтнику Огареву, касательно меня сказано: „который не успѣлъ выѣхать“; это несправедливо вамъ донесено: я не не успѣлъ выѣхать изъ Москвы, узнавъ объ опасности, я не хотѣлъ безъ особаго повелѣнія ни подъ какимъ предлогомъ оставить своего мѣста. Въ понятіи моемъ большая разница въ сихъ словахъ и къ отношенію присяги, и къ отношенію усерднаго сына отечества.

19 *Августа* присутствіе вотчиннаго департамента, по справкамъ оказавшимся, что въ архивахъ онаго находится книгъ въ переплетѣ, въ связкахъ и въ сверткахъ, всего числомъ 42,160, кромѣ текущихъ дѣлъ, заключило опредѣленіемъ, всѣми тремя членами подписаннымъ, что на укладку и обвертку оныхъ къ сбереженію потребно около 10,000 рублей, а на отвозъ до 1000 лошадей, полагая на каждую лошадь по 18 пуд. Съ сего опредѣленія представлена копію на разрѣшеніе главному департаменту директору, графу Дмитріеву-Мамонову, которой съ своей стороны сдѣлалъ немедленно отношеніе, съ прило-

женіемъ сей копіи, къ главнокомандующему, графу Растопчину, и просилъ меня, чтобъ оное доставилъ я лично въ руки его сіятельства, съ тѣмъ, что естли нужны могутъ быть дальнѣйшія объясненія, то я, какъ членъ департамента, могу онымъ удовлетворить, не входя въ переписку. Я на другой день, по жительство графа Растопчина въ загородномъ его домѣ, отвезъ сіе, графа Дмитріева-Мамонова, отношеніе; съ 9 часовъ утра ждалъ свободнаго времени ему оное вручить, и въ 2 часа пополудни уже вручилъ. Въ отвѣтъ правитель канцеляріи его сіятельства, г. Руничъ, мнѣ объявилъ, что графъ Растопчинъ самъ будетъ отвѣтствовать графу Дмитріеву-Мамонову; съ симъ разрѣшеніемъ и вышелъ я изъ дому его.

29 *Августа*, по предписанію вашего превосходительства, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова особенной надзоръ за вотчиннымъ департаментомъ вы препоручить изволили имѣть 7-го Правительствующаго Сената департамента г. оберъ-прокурору и кавалеру Озерову, которой въ сей же день и присутствовалъ въ вотчинномъ департаментѣ. Разсужденіемъ были отношеніе въ оной графа Растопчина касательно укладки дѣлъ и заключеніе на сіе департамента, которое остается безъ разрѣшенія. Его превосходительство Озеровъ обѣщалъ лично говорить о семъ съ графомъ Растопчинымъ и приказалъ въ сей же день по вечеру быть мнѣ съ чиновниками въ департаментѣ, по случаю особеннаго засѣданія Сената господъ оберъ-прокуроровъ. Я приказаніе его выполнилъ и съ чиновниками моими находился до полуночи въ департаментѣ; однако настоящаго разрѣшенія никакого не получилъ о вывозѣ онаго дѣлъ, а г. оберъ-прокуроръ Озеровъ объявилъ, что, говоря о семъ съ графомъ Растопчинымъ, его сіятельство хотѣлъ сдѣлать сношеніе съ вашимъ превосходительствомъ.

31 *Августа*, при выдаваемыхъ Московскихъ Вѣдомостяхъ, была печатная прокламація (афишка), въ коей графъ Растопчинъ увѣрялъ честию своею и клялся сѣдинами главнокомандующаго арміями, свѣтлѣйшаго князя Кутузова, что Французскія войска не будутъ въ Москвѣ; а буде до того дойдетъ, то онъ созоветъ 1000 т. молодцовъ и самъ съ оными и съ образомъ Иверскія Божіей Матери встрѣтитъ непріятеля на Поклонной горѣ (за Доргомилловскою заставою, 3 версты отъ Москвы). Въ сей день ввечеру началось волненіе въ народѣ, и многіе питейные дома разбиты и разграблены.

1-ю *Сентября*, по утру, въ 8 часовъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру третій членъ департамента, г. надворный совѣтникъ Ивановъ, и просилъ моего согласія на отъѣздъ его изъ Москвы на 8 дней. Я не

могу описать вашему превосходительству положенія, въ которомъ г. Ивановъ въ то время былъ: блѣдень, трепещущъ, едва можетъ выговаривать слово, палъ съ сею просьбою къ ногамъ моимъ. Я не полагалъ, глядя на него, жить ему болѣе получаса на свѣтѣ, слѣдовательно, въ такомъ его положеніи и никакой помощи ожидать не могъ къ спасенію департамента дѣлъ, если нужда къ тому будетъ, и потому согласился на отѣздъ его. Въ 9 часовъ утра былъ я въ департаментѣ, но ни дежурныхъ, ни дневальныхъ въ ономъ не было, а находилось только тутъ человѣкъ 5-ть инвалидныхъ солдатъ, при департаментѣ служащихъ, изъ коихъ двое были пьяны. Я приказалъ вахмистру Гурилову призвать тѣхъ чиновниковъ и приказнослужащихъ, коимъ слѣдовало въ сей день быть безотлучно въ департаментѣ, а самъ я пошелъ въ Успенскій соборъ. Божественную литургію отправлялъ викарный архіерей, и служеніе съ необыкновенною торопливостію производилось; по окончаніи онаго, пришелъ я опять въ департаментъ, и какъ вахмистръ Гуриловъ мнѣ донесъ, что никого изъ дежурныхъ не отыскалъ, то и разсудилъ сдѣлать самого себя стражемъ департамента и избралъ къ жительству своему пустую камору близъ 4 части архива; его же, Гурилова, послалъ на квартиру свою привести ко мнѣ жену и малолѣтнихъ дѣтей моихъ, а при томъ, чтобъ онъ людямъ приказалъ не оставлять дому до самаго крайняго часа. Въ 4 часа пополудни явились въ департаментъ нѣкоторые дневальные, извиняясь естественной надобностію отлучки ихъ. Я, во избѣжаніе подобныхъ отговорокъ, приказалъ отколотить одно нужное мѣсто, задѣланное прежде сего Кремлевскою Экспедиціею, въ надѣяніи, что дежурные чиновники не будутъ, подъ видомъ естественныхъ нуждъ своихъ, отлучаться изъ департаментскихъ каморъ. Между тѣмъ ходилъ я въ городъ и видѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ изъ арміи офицеровъ, отъ коихъ и узналъ, что братъ мой родной, командующій Либавскимъ мушкатерскимъ полкомъ, живъ и общался на другой день вмѣстѣ съ ними посѣтить меня. Волненіе въ народѣ было уже сильное, грабили даже дома, пьянство и озорничество оставались безъ всякаго опасенія быть наказану. Въ 9-ть часовъ вечера караулъ, стоявшій на кругломъ дворѣ Сената, билъ вечернюю зорю, и я съ семействомъ моимъ ночевалъ въ департаментѣ.

2 *Сентября* стоявшій караулъ на дворѣ Сената ночью снятъ. Въ 8 часовъ начали собираться въ департаментъ чиновники и приказнослужащие. Я нѣкоторымъ имѣлъ справедливую причину выговаривать за неисправленіе ихъ обязанностей, обещаая послать къ его превосходительству, г. коменданту, для наказанія; но секретарь Рыбниковъ съ язвительною усмѣшкою мнѣ отвѣтствовалъ на сіи угрозы: „*Ни комен-*

дантъ, ни главнокомандующаго, ни оберъ-прокурора, ни квартальныхъ уже въ Москвѣ не находятся“; а другой, тутъ же стоявшій, не помню кто, сказалъ: „Я сейчасъ видѣлъ, что по улицамъ пьяные таскають мертвое тѣло“ (тѣло Верещагина). Не продолжая далѣе моихъ выговоровъ, приказалъ я протоколисту Бородину написать журналъ, въ коемъ опредѣлилъ: „Поелику я одинъ составить дѣлаго присутствія вотчиннаго департамента не могу, и потому закрываю оное; а какъ истеченіемъ Августа мѣсяца чиновники и приказнослужители не получали за оной слѣдуемаго имъ жалованья, и Сената 6 департамента, отъ котораго долженъ я требовать о выдачѣ онаго разрѣшенія, въ Москвѣ не находится, а потому и опредѣляю: выдать, кому сколько слѣдуетъ, а равно, по раздачѣ онаго, выдать еще за два мѣсяца впередъ, на собственной мой отчетъ начальству“. Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику Рудакову, вмѣстѣ съ г. к. ассес. и вотчиннаго департамента эскуоторомъ, Горинымъ (оной г. Горинъ, съ семействомъ своимъ, во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ жилъ въ погорѣломъ каменномъ домѣ подъ сводами, и паденіемъ оныхъ окончилъ жизнь свою), принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями въ присутственную камору. Въ ономъ находилось наличными 8,125 р., сверхъ того должно числить наличными же взятыя подъ росписки въ счетъ жалованья чиновниками 250 р., мѣдной же монеты сколько было, не могу заподлинно сказать, ибо я оной не видалъ.

Я долженъ извѣстить ваше превосходительство, что по приходу и расходу денежной казны въ департаментѣ, завѣдывалъ сію часть 3-й членъ, надворный совѣтникъ, который, не отдавъ отчету, наканунѣ изъ Москвы уѣхалъ; такъ же и секретарь по оной части, Воробьевъ (изъ господскихъ людей) уѣхалъ безъ спросу еще 30 Августа, и обыкновеннаго денежной казны свидѣтельства за Августъ мѣсяць дѣлано не было и вѣдомость присутствію объ остаткѣ суммы къ Сентябрю мѣсяцу не представлена.

По принесеніи ящика съ деньгами, я выдалъ расходчику, Рудакову, для раздачи за Августъ мѣсяць чиновникамъ жалованья 1,500 р., за тѣмъ остальные 6,625 р., не отдавая уже въ кладовую, оставилъ при себѣ, а мѣдную монету, сколько оной въ кладовой находилось, приказалъ перенести въ присутственную камору.

Я сіе учинилъ потому, что, послѣ раздачи за Августъ мѣсяць, долженъ я былъ выдать, въ согласность журнала моего, за два мѣсяца впередъ, а еще болѣе и потому, чтобъ, въ случаѣ нашего несчастія,

самому мнѣ, какъ начальнику департамента, за оную сумму отвѣтствовать, не объявляя и не ссылаясь, въ растратѣ или похищеніи оной, быть причиною кому изъ подчиненныхъ мнѣ.

До 2 часовъ пополудни расходчикъ Рудаковъ не кончилъ еще раздачи жалованья за Августъ мѣсяць, и чиновники разошлись по домамъ, а остались одни только дежурные. Въ 3 часа непріятель вошелъ въ Кремль конницею, подъ командою короля Неаполитанскаго (Murat). Я заперъ двери департамента, приказавъ никого не выпускать и не впускать. Люди мои, оставшіеся на квартирѣ, прибѣжали въ 4 часа, сказывая, что Французскія войска по всемъ улицамъ разсѣялись. Въ 8 часовъ вечера сильное пламя показалось въ Китаѣ-городѣ, въ москательномъ ряду. Я ночевалъ съ семействомъ моимъ въ департаментѣ.

Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, при семъ просить вашего начальческаго защищенія противъ клеветы, которую расходчикъ Рудаковъ въ рапортѣ своемъ, до свѣдѣнія вашего дошедшемъ, показалъ, будто я, до вторженія Французовъ въ Москву, за нѣсколько часовъ, мѣдную монету, въ департаментѣ находившуюся, приказалъ перевезти на свою квартиру. Я не только не отвозилъ на квартиру свою мѣдной монеты, но на квартирѣ уже и не былъ, какъ оставилъ оную наканунѣ дня, то есть, 1 Сентября, въ чемъ и самъ Рудаковъ сознался въ комисіи, а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать наказать его въ примѣръ, чтобы не клеветали на своихъ начальниковъ, и я, кромѣ чувствительнаго огорченія, что такая клевета могла дать вамъ обо мнѣ худое мнѣніе, имѣлъ еще ту непріятность, что съ симъ клеветникомъ долженъ былъ въ комисіи стать на одну доску и себя оправдывать. Равнымъ образомъ прошу ваше превосходительство приказать предать сужденію по законамъ и бывшаго въ департаментѣ по части денежной казны секретаремъ Воробьева, который оставилъ свое мѣсто 30 Августа безъ спросу и не отдавъ въ имѣющейсѣ наличной суммѣ отчету; я бы нимало не задержалъ его, ибо, по закрытіи присутствія многимъ чиновникамъ, меня просившимъ, подписалъ билеты для свободнаго выѣзду изъ Москвы. Въ продолженіе ночи сей никто изъ непріятелей въ департаментъ не входилъ; но видимо было, что множество мародеровъ бѣгали въ комнатахъ Сената со свѣчами и съ обнаженными саблями, выкидывали изъ оконъ на круглой Сената дворъ столы и стулья, гдѣ и разложенъ былъ огонь.

3 Сентября, въ 9 часовъ утра, явился я въ Кремлевской дворецъ и просилъ Наполеона о покровительствѣ въ сохраненіи архивовъ департамента, коихъ я, какъ сказалъ ему, былъ начальникъ. Посланъ со мною секретарь его, г. Делорнъ-де-Девилль, освидѣтельствовать оныя, которой, посмотрѣвъ ихъ, повелъ меня обратно во дворецъ. По сей часъ никто изъ непріятелей въ департаментъ не входилъ. Пришедъ во дворецъ, маршалъ герцогъ Фриульской объявилъ мнѣ благоволеніе своего императора, а вмѣстѣ съ онымъ и обѣщаніе, что архивы останутся въ цѣлости, и въ слѣдствіе сего приказалъ одному полковнику дать 4-хъ часовыхъ, для каждой галлерей по 1-му. Съ симъ полковникомъ и часовыми пошелъ я въ департаментъ, а пришедъ въ оной, нашелъ каморы департамента уже занятыми старой гвардіи солдатами; кладовая, въ которой ничего не было, взломана; семейство мое совершенно обобранное маршала герцога Истрійскаго штатомъ, въ присутствіи самого его; они накинулись на кое-что, бывшее у меня съѣстное, какъ голодные волки, и отняли при томъ ларчикъ съ бумагами, въ которомъ находилось 3,500 р. ассигнаціями казенныхъ денегъ и 800 р. моихъ собственныхъ.

Когда непріятель вошелъ въ Кремль, въ то время, дабы сохранить оставшіяся у меня казенныя деньги, всего 6,625 р. ассигнаціями, я раздѣлилъ, къ лучшему сбереженію сей суммы, на участки: 3,500 р. положилъ въ ларчикъ съ бумагами, въ коемъ находилось и мнѣ собственно принадлежащихъ 800 р., 3,000 р. спряталъ въ боковой карманъ фрака малолѣтнаго сына моего (12 лѣтъ) уповавъ, что младенчество его избѣгнетъ грабежа, 125 р. спряталъ у себѣ подъ чулки къ подошвамъ; сверхъ оныхъ денегъ было еще у меня моихъ собственныхъ червонныхъ и серебряной монеты, кои я спряталъ..... но благопристойность не позволяетъ назвать мѣста. Мѣдную же монету я оставилъ въ комнатѣ департамента.

Въ самомъ жалкомъ состояніи нашелъ я семейство мое, взошедъ, съ полковникомъ и часовыми, въ комнату, въ которой они находились. Изъ архива департамента, однако, высланы были всѣ солдаты и къ дверямъ оныхъ поставлены часовые; ко мнѣ же въ комнату поставленъ офицеръ Голландской гвардіи съ своими тремя деньщиками. Моей команды солдаты, при департаментѣ служащіе, напились пьяны и вышли ко мнѣ изъ повиновенія, а вахмистръ Гуриловъ изъ окна упалъ на дворъ и убится до смерти. Въ 9 часовъ вечера сильный дымъ показался на Арбатѣ (комнаты вотчиннаго департамента имѣютъ видъ въ три стороны города).

4 *Сентября* огонь сильно дѣйствовалъ кругъ Кремля, и Троицкая башня*) съ часами уже выгорѣла, въ разсужденіи чего всѣ старой гвардіи солдаты, квартирующіе въ сенатскомъ домѣ, коихъ было около 5,000 человекъ (о числѣ оныхъ они сами сказывали) высланы были къ потушенію огня. Наполеонъ выѣхалъ изъ Кремля въ Петровской дворецъ. Русскимъ же, кои находились въ Кремлѣ, велѣно было всѣмъ оставить оной, и я, выходя со всѣми, при мнѣ бывшими, изъ департамента, въ которомъ долженъ былъ оставить имущество мое и мѣдную монету, казнѣ принадлежащую, былъ на площади, что противъ Сената, совершенно обнаженъ: у меня отняли сертукъ и капотъ, въ присутствіи самого командующаго генерала, Ле-Гросса, который былъ на сей разъ пьянъ, а одинъ солдатъ едва меня не прокололъ штычкомъ ружья своего, называя насъ зажигателями. Съ сына моего 12-ти лѣтъ, къ которому въ карманъ кафтана положилъ я 3,000 р., сорванъ кафтанъ и фракъ и оставленъ онъ въ одной рубашкѣ; у младенца же 7 недѣль, при мнѣ съ матерью находившагося и котораго мать отъ испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока, а двухъ приказнослужителей, тутъ же при мнѣ бывшихъ, Бутурлова и Пищулина, взяли въ работу къ себѣ. Въ такомъ горестномъ положеніи, по усиленной просьбѣ моей, далъ маршалъ герцогъ Фріульскій до квартиры мнѣ провожатаго. Сему провожатому, по имени Саблѣ, я и мое семейство обязаны жизнью. Онъ довелъ насъ до Сухаревой башни благополучно, и въ знакъ благодарности моей, я отдалъ ему образъ Божіей Матери, сохраненный мною на груди и коего золотая оправка стоила 80 червонныхъ. Я не описываю вашему превосходительству ужасовъ, которымъ я дорогою былъ свидѣтель: оныя не принадлежать къ сохраненію дѣлъ департамента. Такимъ образомъ ночевали мы въ домѣ Познанскаго, что у Сухаревой башни.

5 *Сентября*. Я не распространяюсь въ описаніи и сего ужаснаго дня, ибо намѣреніе мое увѣдомить вашего превосходительство о дѣлахъ ввѣреннаго мнѣ департамента, а, я вышедъ уже изъ онаго, не могу знать, что тамъ происходило. Въ сей день горѣли Срѣтенская часть, что у Сухаревой башни, и самой тотъ домъ, въ которомъ я ночевалъ, обѣ Басманныя улицы и Нѣмецкая слобода. Я съ семействомъ моимъ и другими приставшими ко мнѣ людьми укрывались отъ мародеровъ, вездѣ грабившихъ, въ одномъ огородѣ, близъ церкви Спаса что въ Спасскомъ, которая, въ 2 часа пополудни, загорѣлась; среди сего огорода былъ прудъ, и мы овощами утопили нѣсколько

---

*) Развѣ и на Троицкой башнѣ были часы? П. Б.

голодь, насъ мучившій, но не избѣгли, однакожь, прозорливости мародеровъ: двое изъ нихъ пришли насъ грабить, въ виду же оныхъ было болѣе 100 человекъ. Бѣдныя творенія! И они были безъ сапоговъ, безъ рубашекъ, платье едва наготу ихъ прикрывало; они, обнаживъ тесаки, требовали наши сапоги и другія вещи, въ которыхъ самую необходимость имѣли. Безумное дѣло, казалось, сопротивляться, и потому отдавали имъ, что надобно. Ваше превосходительство, можетъ быть, не имѣете точнаго понятія, что такое за люди передовыя войска Французской арміи, вторгнувшейся въ Москву, а потому позвольте мнѣ сдѣлать описаніе случившемуся со мною въ городѣ приключенію. Насъ было въ ономъ около 50 человекъ; большая часть были женщины. Пришедшіе два мародера, видя, что мы ни малѣйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ не дѣлаемъ, вздумали раздѣвать женщинъ и искать сокровищъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только Алжирскіе корсѣры ищутъ. Я, боясь, чтобъ подобной обыскъ не былъ сдѣланъ и женѣ моей, подошелъ къ нимъ, и сказалъ: „Messieurs! Vous pouvez prendre tout ce que vous voyez sur nous: mais si vous osez y toucher les femmes, qui sont ici, au nom du Créateur, Que vous ne reconnoissez pas, je jure de vous faire jeter dans cette eau bourbeuse“¹⁾, показывая на прудъ. Они съ симъ словомъ вложили тесаки свои въ ножны и уходя отвѣтствовали: „Ah, monsieur, si vous agissez comme cela, nous sommes bien vos très humbles serviteurs.... vos très humbles serviteurs“²⁾ повторили еще, и пошли прочь. Вотъ герои, овладѣвшіе Москвой!!

Я оставилъ огородъ по причинѣ, что заборъ и дерева въ ономъ уже загорѣлись, и вышелъ въ поле между Троицкою заставою и Сокольниками, гдѣ и ночевалъ.

6 *Сентября*. Находя большія препятствія, или лучше сказать никакой возможности не предвидѣлъ, чтобъ могъ оставить городъ Москву съ семействомъ моимъ и другими, приставшими ко мнѣ, людьми, рѣшился войти въ Москву: мы три дни уже не видали куска хлѣба, и бѣдныя дѣти мои, истощивъ себя, плакали. Гладъ и чувство природы требовали моего объ нихъ попеченія. Я пришелъ на Тверскую улицу и у самыхъ Воскресенскихъ воротъ встрѣтилъ Наполеона съ его штабомъ верхами. Я скинулъ шляпу, и уповательно Наполеонъ узналъ

¹⁾ Т. е. Господа, берите все, что видите на насъ; но если вы осмѣлитесь коснуться находящихся здѣсь женщинъ, то, именемъ Творца, Котораго вы не признаете, клянусь, что вы будете брошены въ эту грязную воду.

²⁾ Т. е. Ахъ, господниъ, если вы таковы, то мы ваши покорнѣйшіе слуги.. ваши покорнѣйшіе слуги.

меня, хотя былъ я нагъ и босъ и имѣлъ только лакейскую шинель на себѣ; ибо, посмотрѣвъ на меня, что-то сказалъ бывшему сзади его чиновнику, который тотчасъ и подѣхалъ ко мнѣ. Въ семь чиновникѣ узналъ я секретаря его, г. Делорна-де-Девилля, которой, узнавъ и меня, вскричалъ: „Ah, monsieur Bestoujeff, dans quelle situation je vous vois!“..... Я отвѣтствовалъ: „C'est le sort de la guerre!“—„Où est vorte femme, vos enfans?“ промолвилъ онъ.—„Vous les voyez“, показывая на нихъ, жена въ рубищѣ, а дѣти босы.—„Ah! Dieu!“¹⁾... И на глазахъ его слезы показались. Изъ многихъ, окружавшихъ насъ, приказалъ онъ одному полковнику штаба маршала принца Невшательскаго (Bertier), по имени г. Фонъ-Зейленъ-Нивельту, именемъ императора своего, взять меня подъ покровительство. Г. подполковникъ избралъ домъ для жительства на Петровкѣ, близъ Петровскаго монастыря, бывший князя Одоевскаго, а нынѣ губернской секретарши Дурновой²⁾. Управитель сего дома, Иванъ Александровъ, оставшійся въ Москвѣ, на канунѣ дня заколонъ Польскими грабителями. Черезъ два дни потомъ вступили въ оной же домъ для квартированія 50 человекъ молодой гвардіи съ 3 офицерами. Подъ покровительствомъ оныхъ жилъ я со всѣми, при мнѣ бывшими, безопасно и до 16 Сентября не выходилъ изъ комнатъ.

Сей день, 16 Сентября, былъ самой ужаснѣйшей въ жизни моей; описаніе онаго не принадлежитъ къ предмету моего донесенія.

16 Сентября, сысканъ будучи Французскою полиціею, по приказу 9 числа, представленъ я къ графу Мило (commandant de la Ville). Онъ за подписаніемъ своимъ далъ мнѣ записку, съ которой долженъ я былъ явиться къ маршалу герцогу Тревизо (Mortier, général-gouverneur de Moscou). Я не могу довольно нахвалиться привѣтствіемъ и ласкою сего маршала. Онъ спросилъ меня: „Я ли тотъ надворный совѣтникъ Бестужевъ, которому препоручены были архивы въ Кремль?“ Мой отвѣтъ былъ, что его превосходительство не ошибается: „Я самой тотъ“. Онъ изъявилъ искреннее сожалѣніе къ моему несчастному положенію и предлагалъ не только одежду мнѣ, но даже денежное вспоможеніе, которыхъ, однакожъ, я не принялъ. Онъ объявилъ при томъ, что учреждается отеческое градское правленіе (Municipalité Paternelle), въ которомъ, по особенной волѣ его императора, и я долженъ присутствовать. Я на первый разъ сдѣлалъ было отрицаніе мое объ участвованіи въ ономъ, но маршалъ, герцогъ Тревизо, сказалъ, что

¹⁾ Т. е. Ахъ, господинъ Бестужевъ, въ какомъ положеніи вижу я васъ.—Это жребій войны.—Гдѣ ваша супруга, ваши дѣти?—Вы ихъ видите.—Ахъ, Боже!

²⁾ Нынѣ этотъ домъ, застроенный съ улицы, принадлежитъ Харитоненку. П. Б.

сей муниципалитетъ учреждается не въ пользу Французовъ, а напротивъ учрежденіемъ онаго находятъ единое средство защитить несчастныхъ соотечественниковъ моихъ отъ грабежа, насилій и обидъ, слѣдовательно, и отказываться мнѣ отъ участвованія въ семъ намѣреніи будетъ съ моей стороны несправедливо, и находить въ принятіи моего отрицанія затрудненіе въ томъ еще, что долженъ донести объ ономъ своему императору; а чтобъ я не имѣлъ сомнѣнія, что оное учрежденіе для пользы моихъ согражданъ, показалъ и инструкцію сему предполагаемому муниципалитету. Я, не находя въ оной ничего противнаго совѣсти моей, ни нарушенія присяги, изъявилъ свое согласіе; въ слѣдствіе сего и далъ онъ мнѣ, маршалъ, свидѣтельство (родъ патента), съ котораго при семъ прилагаю копию подъ № 1; а дабы въ новомъ семъ званіи лично обезопасить меня отъ обидъ непріятельскихъ войскъ, а равно, чтобъ я могъ на улицахъ, въ случаѣ нужды, защитить соотечественниковъ моихъ, приказано носить мнѣ на лѣвой рукѣ красную узкую ленту и съ праваго плеча на лѣвое перевязъ красную жъ. Я узкой ленточки на рукахъ не носилъ, потому только, что не могъ нигдѣ достать оной, а когда выходилъ со двора, тогда имѣлъ на себѣ подъ шинелью перевязъ красную по камзолу (фрака не было; сію перевязъ сдѣлалъ я изъ ленты ордена святаго Александра Невскаго, доставшейся мнѣ по наслѣдству отъ дѣда моего и служившей по рожденіи мнѣ въ пеленахъ свивальникомъ). Дѣйствительно, Французскія войска оказывали большое уваженіе къ сему знаку, и я имѣлъ счастье чловѣкъ 5 на улицѣ защитить отъ грабежа, а при томъ всѣ, прибѣгавшіе подъ защиту въ домъ, которой я съ г. подполковникомъ фонъ-Зейленъ-фонъ-Нивельтомъ занималъ, были, по крайней мѣрѣ, уже безопасны, ибо и на воротахъ онаго дома былъ билетъ: „Logement d'adjoint du maire de la Ville“¹⁾; и таковыхъ пришельцовъ было болѣе 50 чловѣкъ. коимъ я отчасти и хлѣба давалъ. Впрочемъ, въ учрежденномъ муниципалитетѣ я имѣлъ двѣ экспедиціи подъ моимъ особеннымъ надзоромъ: 1-я „Approvisionnement des malheureux habitants de la Ville“, и 2-я: „Secours aux indigents“²⁾; но по обоимъ симъ предметамъ оставался въ дѣйствіяхъ моихъ бесполезенъ, потому что не имѣлъ къ тому способъ; въ хлѣбѣ самъ очень нуждался, а денежныхъ пособій не дѣлалъ, потому что денегъ у меня не было.

Ежели поставитъ мнѣ въ преступленіе, что я до вторженія въ Москву не имѣвъ о выѣздѣ повелѣнія, самъ собою не догадался бѣжать изъ города, и съ нарушеніемъ присяги оставилъ бы дѣла вотчиннаго

1) Т. е. Помѣщеніе помощника городского мера.

2) Т. е. Снабженіе пищею несчастныхъ жителей города. Помощь бѣднымъ.

департамента на произволь, въ такомъ случаѣ я, въ оправданіе свое, ничего сказать не могу и заслуживаю наказаніе по законамъ, буде на таковой мой проступокъ есть постановленіе; если же, напротивъ, поступокъ мой, что я безстрашно сохранялъ мѣсто свое, не взирая на разглашенія о всѣхъ жестокостяхъ, производимыхъ непріателемъ, имѣя въ виду единое спасеніе дѣлъ, надзору моему ввѣренныхъ, не вмѣняется мнѣ въ преступленіе; слѣдовательно, оставшись, такимъ образомъ, во власти непріателя, по долгу службы моему отечеству, не въ другомъ чемъ можно отъ меня требовать и отчета, какъ только: *не нарушилъ ли я присяги законному моему Государю? Не сдѣлалъ ли я предательства, или измѣны отечеству, открытіемъ тайны моего правительства? Или, возгордясь нѣкоторымъ оказаннымъ мнѣ отличіемъ, не дѣлалъ ли я какія насилія несчастнымъ соотечественникамъ моимъ, терпѣвшимъ равную участь со мною? Присяги законному моему Государю я ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ, ибо особу Его Императорскаго Величества я люблю, какъ Россіянинъ; предательства, или измѣны, отечеству открытіемъ тайнъ правительства не учинилъ; да и что можетъ знать чиновникъ, роющійся въ Москвѣ въ архивахъ вотчиннаго департамента, о дѣлахъ комитета министровъ въ С.-Петербургѣ? Касательно же до притѣсненія, или обидъ сотоварищей общаго со мною несчастія, на меня жалобъ ни отъ кого нѣтъ, и оныхъ быть не можетъ, ибо я поступалъ со всѣми по собственной боли сердца своего. Между 50,000 человекъ обоого пола людей, оставшихся въ Москвѣ во власти непріателя, многіе, въ почетныхъ чинахъ состоявшіе, рубили Французамъ дрова, носили воду или другіе имѣли ноши (butin, какъ они называютъ), и иногда путешествіе ихъ съ оными было отъ *Москвы* до *Всесвятскаго*, а отъ *Всесвятскаго* до *Коломенскаго*; а я не только не дѣлалъ подобныхъ послугъ имъ, но, охраняя, по должности своей, дѣла вотчиннаго департамента, былъ еще защитникомъ соотечественниковъ моихъ отъ обидъ, сохранилъ и присягу къ Государю и любовь къ отечеству; отказаться же отъ возложенной на меня должности засѣданія въ муниципалитетѣ значило воспротивиться воли императора Наполеона безумнымъ упрямствомъ, коего слѣдствіе, въ примѣръ другимъ, была бы мнѣ смерть постыдная. Я взиралъ бы и на оную равнодушно; ибо чувствую, что есть что-то выше человека, и безтрепетно предстану на судъ къ сему Существу, Котораго не постигаю; совѣсть моя чиста! Но осмѣливаюсь спросить: могла ли быть смерть моя въ то время полезна для отечества? Нѣтъ, нѣтъ, ваше презосходительство. Теперь недостаетъ самой малой только части дѣлъ, къ вотчинному департаменту принадлежащихъ, а со смертію моею, можетъ быть, ни одного бы не было, и если дѣла вотчиннаго департамента нужны для блага отечества,*

то и жизнь моя нужна была; ибо сохраненіе оныхъ дѣлъ сопряжено было съ моимъ усердіемъ.

18 Сентября, съ соизволенія маршала, герцога Тревизо, которой мнѣ письмо далъ къ маршалу, герцогу Данцигскому (Le Fèbvre, командующему въ Кремлѣ) входилъ я въ вотчинной департаментъ въ проведеніи адъютанта сего послѣдняго и, къ великой радости моей и удивленію, видѣлъ, что всѣ дѣла были совершенно въ томъ же порядкѣ, въ которомъ я оныя оставилъ, и часовые, тутъ стоявшіе, сказали, что имѣютъ повелѣніе никого не впускать въ галерею архива; но напротивъ въ присутственной каморѣ, въ моей бывшей комнатѣ и въ другихъ комнатахъ, къ которымъ не поставлены были часовые, всѣ вещи въ оныхъ обобраны и все переломано; ибо занимали оныя солдаты постоемъ, и я всего имущества лишился; изъ числа же мѣдныхъ денегъ, казнѣ принадлежащихъ, и которыя я, выходя 4 Сентября, оставилъ, находилось еще 7 мѣшковъ.

23 Сентября былъ опять съ его же, маршала, герцога Тревизо, позволенія, въ вотчинномъ департаментѣ и, по случаю вступившихъ въ Кремль къ квартированію новыхъ двухъ полковъ, галереи были уже заняты оными. Хотя часовые и сказывали, что имѣютъ повелѣніе смотрѣть, чтобъ дѣлъ не расхищали, однакожъ я примѣтилъ, что они книги употребляли на постилку вмѣсто кроватей, и потому разсудилъ, къ лучшему сбереженію, подать письменную просьбу на имя Наполеона, которую самъ и сочинилъ.

25 Сентября подаль оную просьбу маршалу, герцогу Тревизо, на разсмотрѣніе.

Въ сей день, по полудни въ 6 часовъ, подавъ просьбу мою маршалу, онъ просилъ меня остаться у него. Между разговорами я объявилъ, что, при вшествіи Французскихъ войскъ въ Москву, имѣлъ при себѣ казенныхъ денегъ 6,625 р. ассигнаціями, кои у меня отняты, не взирая, что Наполеономъ обѣщано мнѣ покровительство. Онъ отвѣчалъ, улыбаясь: „Справедливѣе бы было вамъ просить о своей собственности, которую вы потеряли; а что касается до казеннаго, то оное правомъ войны (*butin, droit de la guerre*) принадлежитъ имъ, побѣдителямъ“. Впрочемъ, Бога поставляю во свидѣтели, что сей маршалъ, сколь часто ни былъ я у него, но онъ не только со мною, но при мнѣ и съ другими никогда на счетъ правительства нашего не говорилъ.

29 Сентября маршалъ, герцогъ Тревизо, возвратилъ мнѣ просьбу мою на имя Наполеона, съ нѣкоторыми поправками въ текстѣ.

4 Октября, пополудни въ 6 часовъ, подалъ оную я лично въ Кремлевскомъ дворцѣ (копію, каковую подалъ, здѣсь прилагаю подъ № 2) и отвѣту на тотъ часъ не имѣлъ; а генераль-адъютантъ его, графъ Нарбоннъ, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ Наполеона, сказалъ: „Si vous voulez passer demain chez moi, vous aurez prendre réponse“¹⁾.

5 Октября, поутру въ 6 часовъ былъ я у графа Нарбонна, и онъ мнѣ сказалъ, что императоръ его находитъ просьбу мою совершенно справедливою и, похваляя притомъ усердіе мое на пользу отечества, обнадеживалъ, что сокровища сіи отъ войска его останутся невредимы; а какъ просилъ я повелѣнія оныя собрать въ одну залу, то о семъ приказаніе дано маршалу, герцогу Тревизо, не только къ сему допустить, но и оказать въ ономъ вспомошествованіе.

Въ полдень видѣлъ я знакомаго уже мнѣ секретаря, г. Делорнаде-Девилля, которой сказалъ, что онъ читалъ мою просьбу къ его императору, и что Наполеонъ въ первыхъ словахъ своихъ сказалъ: „Этотъ чиновникъ съ своею архивою мнѣ уже наскучилъ“, и потомъ далъ приказаніе графу Нарбонну.

6 Октября. Хотя въ сей день и ничего такого не воспослѣдовало, что касалось бы до предмету моего донесенія вашему превосходительству, однакожъ я не могу умолчать о такомъ обстоятельстве, которое въ великіе хлопоты меня ввело. Въ 8 часовъ вечера, когда я готовился уже ложиться спать, пришелъ ко мнѣ изъ Кремля солдатъ старой гвардіи, по имени Саблѣ, самой тотъ, которой провожалъ меня 4-го Сентября изъ Кремля до Сухаревой башни. Онъ пожелалъ со мною проститься, какъ самъ сказывалъ, и пожелать мнѣ всякаго благополучія; ибо завтрашній день, съ восходомъ солнца, отданъ приказъ имъ выступить въ походъ; и послѣ получаса разговору, ничего незначащаго, распрощавшись со мною, просилъ меня, чтобъ я проводилъ его 10 шаговъ только, и когда я сіе учинилъ, оставшись съ нимъ одинъ, то, взявъ онъ меня за руку, сказалъ: „*Sauvez vous, mon cher, si vous pouvez; le Kremlin va sauter en l'air, aussi bien que toute autre place, tout près de cotre ci-devant*“ (онъ разумѣлъ пушечной дворъ, что близъ Сокольниковъ). *On va même donner les ordres de massacrer tout ce qui porte les armes et de mettre le feu à toutes les maisons qui n'ont pas été incendiées*²⁾.

¹⁾ Т. е. Если вы пожелаете завтра быть у меня, то получите отвѣтъ.

²⁾ Т. е. Спасайтесь, мой дорогой, если можете; Кремль взорветъ на воздухъ, какъ и всякое другое мѣсто, близъ котораго вы жили. Отданъ даже будетъ приказъ убивать всякаго посягающаго оружіе и зажечь всѣ дома, которые не были сожжены.

Я оставляю судить вашему превосходительству въ какомъ положеніи долженъ я былъ находиться, имѣя въ глазахъ моихъ дѣтей, содѣлывающихся жертвою смерти, и Богъ знаетъ какой еще смерти!

7 Октября, въ 5 часовъ утра, Наполеонъ, съ старою гвардіею, оставилъ Москву. Молодая гвардія, подъ командою герцога Тревизо, вступила на квартиры въ Кремль. Самъ маршалъ переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ. Я, по поводу поданной просьбы моей Наполеону, говорилъ съ маршаломъ, которой въ отвѣтъ сказалъ, что въ теперешнемъ обстоятельстве сіе излишне будетъ, ибо и остальные войска скоро оставятъ Москву; а между тѣмъ приказалъ при мнѣ полковнику, командующему тѣмъ полкомъ, которой занялъ комнаты вотчиннаго департамента, чтобъ дѣлъ не расхищали, и, такимъ образомъ, я простился съ маршаломъ, и болѣе его уже не видалъ. Кордонъ передовыхъ Французскихъ войскъ стоялъ по бульвару.

8 Октября, въ 2 часа пополудни, взорваны ящики съ порохомъ на пушечномъ дворѣ. Кордонъ былъ еще по бульвару, перестрѣливаясь часто съ нашими мужиками.

9 Октября, не находя себя уже въ безопасности въ домѣ г. Дурновой, ибо солдаты молодой гвардіи съ ихъ офицерами перешли въ Кремль, я разсудилъ также съ семействомъ моимъ искать спасенія въ Воспитательномъ Домѣ, и его превосходительство, Иванъ Акинѣевичъ Тутолминъ, далъ мнѣ, по милости своей, въ ономъ комнату, въ которой я помѣстился.

10 Октября, около 4 часовъ по полудни, услышали мы, что командующій корпусомъ Россійскихъ войскъ, баронъ Винценгероде, взять въ полонъ близъ Тверскихъ воротъ и приведенъ въ Кремль. Въ 8 часовъ вечера зажгли Французы Винной Дворъ и вскорѣ потомъ домъ главнаго кригсъ-коммисаріата. Въ 11 часовъ зажженъ Кремлевской дворецъ, и Французскія войска, подъ командою маршала, герцога Тревизо, оставшіяся, вышли изъ Москвы чрезъ Каменной мостъ по Калужской дорогѣ.

11 Октября, въ 2 часа по полуночи, взорванъ Кремль въ пяти мѣстахъ. Въ 7 часовъ входилъ я въ оной, и стеченіе Русскаго народа было несказанно; вотчинной же департаментъ, въ каморахъ котораго Французы оставили бочекъ съ двадцать винъ и въ архивахъ картофелю и сукна, былъ полонъ мужиковъ, и ужаснѣйшаго буйства отъ оныхъ въ пьянствѣ ихъ описать нельзя. Въ 3 часа по полудни пришли козаки.

12 Октября, въ 10 часовъ утра, поставленъ былъ вокругъ Кремля караулъ, и никого въ оной не впускали, а въ 5 часовъ по полудни я оставилъ Москву, ибо былъ совершенно нагъ и со все́мъ семействомъ, въ чемъ засвидѣтельствовать можетъ его превосходительство, Иванъ Акинѣевичъ Тутолминъ, съ которымъ я простился, поблагодаря его за квартиру. Пребываніе мое было въ деревнѣ братьевъ моихъ и въ волостяхъ графа Бобринскаго, къ котораго великодушію прибѣгнулъ я, прося о вспомоствованіи.

Я не знаю, почему г. генераль-маіоръ Иловайской 4-й, въ рапортѣ своемъ къ Государю Императору, написалъ касательно меня „скрылся“; равно не знаю, почему о себѣ написалъ, что онъ „вытѣснилъ непріятеля изъ Кремля“. Донесеніе свое́мъ несправедливое, и разница большая въ послѣдствіяхъ его рапортовъ; спросить надобно тѣхъ, кои были въ то время въ Москвѣ, тогда и справедливость его донесенія усмотрѣть можно будетъ, котораго бы и слѣдствія были совершенно противны.

22 Ноября, узнавъ о донесеніи г. генераль-маіора Иловайскаго 4-го изъ газетъ, я нимало не мѣшкалъ явиться въ Москву къ г. главнокомандующему, графу Федору Васильевичу Растопчину, и вскорѣ потомъ учреждена коммисія по имянному Его Императорскаго Высочества повелѣнію, о разобраніи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ Москвѣ, имѣли должности? А какъ сія Коммисія для насъ уже кончилась, то, вмѣстѣ съ окончаніемъ оной, и донесеніе мое о сихъ обстоятельствахъ честь имѣю вашему превосходительству представить.

Симъ и оканчиваю мое донесеніе. Жалѣю, что не могу оное покончить увѣдомленіемъ, сколько осталось въ вотчинномъ департаментѣ дѣлъ въ совершенной цѣлости; ибо, извѣстившись, что вы запретили мнѣ присутствовать въ ономъ, я болѣе уже и не домогался узнать, въ какомъ состояніи находятся тамъ дѣла. Само Провидѣніе къ сохраненію большей части оныхъ внушило вашему превосходительству дать мнѣ сіе мѣсто, и я смѣло могу сказать, что ни одинъ изъ сочленовъ моихъ не дѣлалъ бы такихъ усилій къ спасенію сихъ дѣлъ, и съ такимъ притомъ пожертвованіемъ, съ которымъ я старался исполнить долъ присяги моей. Я не стану искать дальнихъ доказательствъ въ разности служенія, которую предполагаю имѣть въ разсужденіи сотоварищей моихъ; ибо я, не взирая на всѣ неистовые поступки непріятеля съ побѣжденными, оставаясь, жертвовалъ не только своею

жизнью, но и жизнью семейства моего и малолѣтнихъ дѣтей; гласъ природы умолкъ при исполненіи моихъ обязанностей, обязанностей сына отечества (свидѣтель можетъ судить о моихъ поступкахъ); а товарищи мои, напротивъ, оставя въ Москвѣ только то, что вывезть не могли, сами удалились и возвратились опять въ Москву въ половинѣ *Февраля* (непріятель очистилъ оную 11-го числа *Октября*), и возвратились не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать опись оставшимся дѣламъ, хотя имѣютъ въ отчетѣ оныхъ равное участіе со мною, но въ срокъ подать объявленія о потерѣ своей, которую могли претерпѣть съ разрушеніемъ Москвы. Повѣрьте, ваше превосходительство, что я не менѣе ихъ потерялъ, но сію потерю я приношу въ дань любезному моему отечеству.

Я увѣдомился отъ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга, что ваше превосходительство въ большемъ негодованіи на меня въ разсужденіи небереженія суммы денегъ, оставшейся въ вотчинномъ департаментѣ. Я оными не покорыствовался; сія сумма очень недостаточна усыпить совѣсть мою, если бъ къ несчастію и имѣлъ ее сонливою. Изъ донесенія моего вы видѣть можете, какимъ случаемъ и въ какое время она у меня похищена, и я еще всего собственнаго лишился; впрочемъ, почему товарищи мои не увезли ее съ собою? Не скрою. однакожъ, отъ вашего превосходительства, что я имѣлъ случай во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ оную потерю пополнить, ибо они за 10 р. серебромъ давали мѣшокъ мѣдной монеты; а какъ я нѣсколько червонныхъ и серебряной монеты имѣлъ счастье сберечь, то по такому курсу и легко могъ вознаградить. И если бъ я въ глазахъ вашихъ могъ получить такимъ способомъ какую нибудь цѣну ревности служенія моего, то напротивъ самъ себя возгнушался бы; ибо сія мѣдная монета принадлежала бы Казенной Палатѣ и Банку, коей оставлено было до нѣсколько сотъ тысячъ; или принадлежала бы частнымъ людямъ, которую они грабежемъ доставали; и притомъ послѣдствіе показало, что и оное не могло быть твердо, не имѣя мѣста, гдѣ бы сію сумму въ мѣдной монетѣ сохранить, а потому вошедшіе казаки и мужики все бы разграбили, когда уже не пощадили они Воспитательнаго Дома, котораго и жестокіе непріатели не трогали.

Я откровенно долженъ признаться вашему превосходительству, что нимало не дорожу мѣстомъ, членомъ быть вотчиннаго департамента, и истина уже навсегда оставитъ усердію моему память въ ономъ; но не могу скрыть чувствительнаго моего огорченія, что лишаяся начальника, котораго въ душѣ моей уважаю; и въ мысляхъ

моихъ, кто могъ въ сказкѣ дать правила *воспитанію льва*, тотъ, конечно, не по наслѣдству и не хитрыми происками получилъ блистательное званіе министра юстиціи, но по достоинствамъ своимъ занимаетъ, и подчиненной такому начальнику имѣеть уже въ предметъ справедливую награду своему усердію.

Въ заключеніе сего осмѣливаюсь просить ваше превосходительство назначить время, съ котораго вы мнѣ дали отставку; ибо я, получая отъ щедротъ монаршихъ пенсіонъ, которой, со вступленіемъ моимъ въ вотчинной департаментъ, прекратился, могъ бы вновь просить о выдачѣ онаго съ числа сей отставки, потому что въ самой крайней бѣдности нахожусь. Москва, 27 Февраля 1813 года.

№ 1. AU NOM DE SA MAJESTÉ L'EMPEREUR ET ROI.

Monsieur *Bestoucheff-Rumen* est nommé adjoint du maire de la commune de Moscou.

Le présent lui tiendra lieu de *Brevêt*, à Moscou ce 21 Septembre 1812.

Le gouverneur-général de la Ville et de la Province de Moscou. *M. le Duc de Treviso.*

Par s. ex. mr. le gouverneur-général l'Intendant de la Ville et de la Province de Moscou. *Lesseps.*

№ 2. SIRE!

Lorsque l'armée de votre majesté impériale et royale entra triomphante dans cette capitale. je me trouvois employé au service de ma patrie en qualité du second membre du département des domaines.

Je n'ai pas suivi l'exemple de mes collègues, ni de mes subordonnés, qui, méconnoissant leur devoir, ont abandonnés leurs postes et ont fui dans l'intérieur; j'ai tâché au contraire de conserver les archives du dit département, qui étoient sous ma direction, et d'y maintenir l'ordre, qui y existait auparavant. Je me présentai en conséquence dès le lendemain à la cour de votre majesté, et par l'entremise de mr. le secrétaire de Lorgne-de-Deville, j'obtins quatre sauvegardes, qui furent placées aux quatre archives. Ce devoir rempli je quittai le logement, que j'occupais pour le moment au Sénat, et je me retirais avec ma famille dans ma maison.

Je n'ai pas échappé au malheureux sort de la plupart de mes concitoyens; ma maison a été la proie des flammes. Quoique cette perte soit assez considérable pour moi, je la supporterois avec courage, si je pouvois préserver le reste des archives, qui étoient sous ma direction, et dont une grande partie des livres peut encore être sauvée, j'aurais rempli mon devoir, si mon gouvernement me demande compte un jour des efforts, que j'aurois fait pour conserver ce dépôt, qui m'a été confié.

C'est pourquoi je prends la liberté de me prosterner aux pieds de votre majesté impériale et royale, en la suppliant de m'accorder la grâce de pouvoir mettre les dites archives en ordre, de les rassembler dans une seule salle; par ce moyen les trois autres salles, où elles sont dispersées, pourront servir au logement des troupes de votre majesté. Je me permettrai d'ajouter, que ces archives sont d'autant plus précieuses, que ce sont elles, qui sont consultées et ont force de loi, dans tous les différens, qui peuvent survenir entre les sujets Russes, pour la conservation de leurs propriétés.

Dans l'attente, que votre majesté voudra bien agréer gracieusement ma prière, j'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et soumission, sire, de votre majesté impériale et royale le très humble et très obéissant serviteur A. B. R., conseiller de cour au service de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies.

Moscou, 4 Octobre, 1812*).

*) Т. е. № 1. Его Императорскому Величеству и королю.

Г-нъ Бестужевъ-Рюминъ назначенъ помощникомъ мера Московской общины. Настоящее служить ему охранной грамотою. Москва 21 Сентября 1812 года. Генералъ-губернаторъ города Москвы и губерніи герцогъ де Тревизо. Выдана его превосходительствомъ главнымъ правителемъ города Москвы и губерніи Лесепсомъ.

Т. е. № 2. Ваше Величество! Когда армія вашего королевскаго и императорскаго величества вступила побѣдоносно въ эту столицу, я состоялъ на службѣ моей родины въ качествѣ второго члена вотчиннаго департамента. Я не послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей и подчиненныхъ, кои, забывая свой долгъ, покинули свои должности и бѣжали внутрь страны; я же, наоборотъ, старался беречь архивы вышеназваннаго департамента, бывшаго подъ моимъ управленіемъ, и поддерживалъ въ немъ тотъ порядокъ, который существовалъ тамъ до сего времени. Вслѣдствіе этого я явился на слѣдующій же день ко двору вашего величества и получилъ, черезъ посредство секретаря де-Лорнъ-де-Девилья, четырехъ часовыхъ, конхъ и приставилъ къ четыремъ архивамъ. Исполнивъ свой долгъ, я покинулъ помѣщеніе, занимаемое мною въ Сенатѣ, и перебрался съ семьєю въ свой домъ. Я не избѣгнулъ несчастной участи большинства моихъ соотечественниковъ: домъ мой сталъ жертвою огня. Хотя эта потеря и очень значительна для меня, я бы мужественно перенесъ ее, если бы мнѣ удалось сохранить въ цѣлости архивы, бывшіе подъ моимъ управленіемъ, и большая часть книгъ которыхъ можетъ быть еще спасена; этимъ